Плеханов

АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Среди безпрестанной борьбы противъ всѣхъ "злодѣевъ" которые обременяли тогдашнюю Францію,французскіе матеріалисты 18-го вѣка трудили также, какъ извѣстно, надъ изысканіемъ совершеннаго законодательства, какъ они его сами называли.Они старались придумать такое законодательство, которое было бы самымъ лучшимъ изъ всѣхъ законодательствъ, которое далобы человѣческимъ "существамъ" наибольшую сумму счастья и могло бы поэтому быть введено во всѣ существующія общества, потому что именно такое законодательство было бы въ одно и тоже время и совершеннымъ и самымъ естественнымъ.

Уклоненія въ область "совершершеннаго законодательства" занимаютъ очень видное мѣсто въ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ Гольбахъ и Гельвецій.

Съ другой стороны соціалисты первой половины нашего столѣтія съ громаднымъ рвеніемъ и съ удивительною неутомимостью занялись вопросомъ о наилучшей изъ возможныхъ соціальныхъ организацій, о совершенной соціальной организаціи. Это очень ха-

...ктеристичная черта, общая у нихъ съ франц. матеріалистами послѣдняго столѣтія, и именно на эту черту мы прежде всего и и обратимъ наше вниманіе въ этой работѣ.

Чтобы рѣшить проблему совершенной соціальной организаціи или, что то же, наилучшаго изъ всѣхъ возможныхъ законодательствъ у насъ само собою разумѣется, долженъ быть критическій масштабъ, при помощи котораго мы могли бы сравнивать различныя законодательства между собою. На самомъ же дѣлѣ рѣчь идетъ даже не относительно только [т.е.при данныхъ условіяхъ] лучшимъ или самымъ лучшимъ законодательствѣ. Горозда больше, мы должны изобрѣсти абсолютно совершенное законодательство, законодательство, которое ни въ чемъ не было бы связано съ временемъ и окружающими условіями. Мы, такимъ образомъ совсѣмъ не должны обращать вниманія на исторію, такъ какъ въ ней все относительно, все зависитъ отъ обстоятельствъ отъ времени и отъ мѣста. Но что же остается у насъ руководящей нитью въ нашихъ "законодательственныхъ" изысканіяхъ, если мы оставляемъ безъ вниманія исторію человѣчества? У насъ остается человѣчество, человѣкъ вообще, "человѣческая природа", проявленіемъ которой и служитъ

исторія. Это и есть нашъ точно опредѣленный критерій. Совершенным законодательствомъ, наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ будетъ то, которое болѣе всего соотвѣтствуетъ человѣческой "природѣ". Возможно, конечно, что за недостаткомъ нужнаго "освѣщенія" или логики, намъ и съ такимъ критеріемъ не удастся рѣшить проблему лучшаго общества ошибаться свойственно человѣку; но не подлежитъ повидимому никакому сомнѣнію, что можно рѣшить эту проблему, что мы навѣрное сумѣемъ придумать [совершенное законодательство, совершенную соціальную организацію, если только будемъ опираться на точное знаніе человѣческой "природы"].

Такова была точка зрѣнія французскихъ матеріалистовъ въ области соціальныхъ наукъ. Человѣкъ есть существо чувствующее и одаренное разумомъ, онъ избѣгаетъ непріятныхъ болѣзненныхъ впечатленій и ищетъ пріятныхъ.

У него достаточно ума, чтобы распознать, что для него полезно и что для него вредно. Разъ мы нашли эти основныя положенія то, мы съ помощью размышленій и доброй воли можемъ въ нашихъ изысканіяхъ о лучшемъ законодательствѣ придти къ такимъ же вполнѣ обоснованнымъ, точнымъ и неоспоримымъ выводамъ, какъ и

математическихъ доказательствахъ. Такъ Кондорсе взялся вывест дедуктивно всѣ предписанія здоровой морали изъ той простой основной истинны, что человѣкъ - существо, "чувствующее" и одаренное разумомъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что Кондорсе ошибался. Если "философы" и пришли въ этой области изслѣдовані несомнѣнно къ цѣннымъ [правда только относительно выводамъ], но только потому, что они сами того не замѣчая очень часто оставляли свою абстрактную находную точку, "абстрактную человѣческую природу" и опирались на болѣе или менѣе идеализирова ную природу человѣка тогдашняго третьяго сословія. Этотъ чело вѣкъ "чувствовалъ" и "мыслилъ" именно такъ, какъ это точно оп дѣлялось его соціальной средой. Его "природа" требовала, чтоб онъ крѣпко держался за буржуазную собственность, отстаивая пр ставительное правленіе, свободу торговли |"дайте свободный ходъ всему" . - безпрестанно крича за "природа" этого человѣка [и т.п. На самомъ дѣлѣ] французскіе философы постоянно имѣли въ виду экономическія и политическія нужды третьяго сословія, въ этомъ и состоялъ ихъ дѣйствител ный критерій. Но они пользовались имъ безсознательно и добир

лись до него черезъ длинный обходъ въ области абстракціи. Ихъ сознательныя дѣйствія сводились всегда къ абстрактнымъ размышленіямъ о "человѣческой природѣ" и тѣхъ соціальныхъ и политическихъ учрежденіяхъ, которыя болѣе всего подходили къ этой природѣ.

Точно также поступали сначала и соціалисты. "Чтобы предупредить безконечный рядъ пустыхъ возраженій", Морелли истый сынъ 18 вѣка, выставляетъ какъ неоспоримый принципъ, "что по своему моральному устройству природа едина, постоянна, неизмѣнна...., что ея законы не измѣняются", и что "все" то, различіе которое существуетъ между правилами дикихъ и культурныхъ народовъ, еще не можетъ доказать, что природа измѣняется; самое большее, что это можетъ указать это то, "что нѣкоторыя націи по не зависящимъ отъ нихъ случайнымъ обстоятельствамъ отклонились отъ правилъ природы, другія остаются имъ вѣрными въ силу одной только привычки, третьи, наконецъ, остались въ границахъ этихъ правилъ, благодаря нѣкоторымъ хитрымъ законамъ, которые не всегда противорѣчатъ этой природѣ; однимъ словомъ "человѣкъ уклоняется отъ истинны, истинна же всегда существуетъ". Фурье опирается на

анализъ человѣческой ; Робертъ Овенъ выбираетъ исходной точкою извѣстныя различныя образованіи человѣческаго характера; Сенъ Симонъ, который такъ хорошо понимаетъ историческое развитіе человѣчества, всегда возвращается къ человѣческой природѣ, чтобы выяснить себя законы этого развитія, а Сенсимонисты объясняютъ, что ихъ философія "въ своемъ основаніи имѣетъ новый взглядъ на человѣческую природу". Соціалисты различныхъ школъ расходятся между собою въ своихъ воззрѣніяхъ такъ ихъ взгляды на человѣческую природу различны; но всѣ они безъ исключенія убѣждены, что у общественной науки никакого другого основанія нѣтъ и не можетъ быть кромѣ истиннаго пониманія человѣческой природы. Въ этомъ отношеніи они нисколько не отличаются отъ матеріалистовъ 18 столѣтія. Человѣческая природа служитъ имъ неизмѣннымъ критеріемъ для критики современнаго общества и въ ихъ изысканіяхъ о соціальной организаціи совершеннаго строя.

На Морелли, Фурье, Сенъ Симона, Овена мы смотримъ какъ на утопическихъ соціалистовъ. Такъ мы знаемъ общее имъ всѣмъ основное положеніе, то мы себѣ можемъ дать точный отчетъ въ чемъ

состоитъ утопическая точка зрѣнія. Это тѣмъ болѣе полезно что противники соціализма обыкновенно употребляютъ выраженіе "утопическій", ни сколько не связывая съ нимъ болѣе или менѣе точнаго понятія.

Утопистъ тотъ, кто придумываетъ совершенную соціальную организацію, исходя при этомъ изъ абстрактнаго принципа. Абстрактный принципъ послужившій основаніемъ для изысканій утопистовъ, былъ принципъ "человѣческой природы". Впрочемъ, были утописты, которые пользовались этимъ принципомъ посредственно при помощи выведенныхъ изъ него понятій. Чтобы придумать "совершенное законодательство", идіальную общественную организацію, можно наприм., выбрать исходною точкою понятіе объ общихъ "человѣческихъ правахъ". Но ясно, что это понятіе въ послѣднемъ счетѣ выведено изъ понятія о человѣческой "природѣ".

Очевидно также, что можно быть утопистомъ не будучи соціалистомъ. Буржуазныя тенденціи французскихъ матеріалистовъ прошлаго столѣтія менѣе всего выступаютъ наружу въ ихъ размышленіяхъ о совершенномъ законодательствѣ. Но это нисколько не умаляетъ утопическаго характера этихъ изслѣдованій. Мы видѣмъ,

что путь утопическихъ соціалистовъ нисколько не уклоняется с пути Гольбаха или Гельвеція, этихъ передовыхъ бойцовъ револю ціонной Французской буржуазіи.

Гораздо больше, можно съ большимъ презрѣніемъ относитьс ко всякаго рода "пѣснямъ о будущемъ строѣ" [ ] можн быть убѣжденнымъ, что существующій соціальный мѣръ, въ котор имѣешь счастье жить, самый лучшій изъ всѣхъ возможныхъ мѣров и несмотря на все это можно разсматривать "строеніе и жизнь соціальнаго тѣла" [ ] съ той же самой точки зрѣнія, съ которой его разсматривали утопи сты.

Это кажется пародоксальнымъ, тѣмъ не менѣе это вѣрно. Вотъ примѣръ доказательства.

Въ 1753 г. появились въ свѣтъ произведенье Морелли подъ названіемъ [Плавающіе острова или Базильда знам нитаго ,переводъ съ индійскаго] Вотъ нѣкоторыя аргументы при помощи которыхъ журналъ того времени" " [Безпристрастная библіотека]

оспаривала коммунистическія идеи автора. "Всякому достаточно извѣстно, какая разница существуетъ между самыми красивыми спекуляціями подобнаго рода и возможностью проведенія ихъ въ жизнь въ теоріи берутся люди воображаемые, которые легко приспособляются ко всякимъ учрежденіямъ и одинаковымъ стараніемъ поддерживаютъ взглядъ законодателя; но съ того момента, когда нужно все это проводить въ жизнь, приходится имѣть дѣло съ людьми, каковы они въ дѣйствительности, т.е.непонятливы, лѣнивы или находятся подъ вліяніемъ какой нибудь сильной страсти.Проектъ равенства принадлежитъ къ тѣмъ проектамъ, каковые болѣе всего противорѣчатъ характеру человѣка. Люди рождаются или для того, чтобы повелѣвать или для того чтобы служить, - средніе положеніе для нихъ затруднительно.

Люди рождаются для того чтобы повелѣвать или служить. Нечего по этому удивляться, если мы въ обществѣ видали господъ и слугъ, - человѣческая "природа" этого требуетъ. "Безпристрастная библіотека" могла очень легко отбросить "коммунистическія спекуляціи", но точка зрѣнія, съ которой она наблюдала общественныя явленія, точка зрѣнія "человѣческой природы" у

нея общая съ Морелли.

Намъ пожалуй возразятъ, что этотъ журналъ вѣроятно былъ не искрененъ въ своихъ доказательствахъ и ссылался на человѣческую "природу" съ цѣлью прiискать доводы въ пользу эксплоататоровъ, въ пользу тѣхъ, которые "повелѣваютъ". Искренно или лицемѣрно, но "безпристрастная библiотека" стала на точку зрѣнiя, общую всѣмъ писателямъ того времени. Всѣ ссылались на такъ или иначе понятую человѣческую природу, за исключенiемъ отсталыхъ, которые живыя тѣни прошлаго - продолжали ссылаться на "Божью" волю.

Эту точку зрѣнiя человѣческой природы 19 столѣтiе унаслѣдовало, какъ извѣстно отъ прошлаго: утопическiе соцiалисты не имѣли другой точки зрѣнiя.

Примѣръ Сенъ Симона, этого генiальнаго человѣка съ энциклопедической ученостью, можетъ быть яснѣе всего показываетъ, какъ ограничена и недостаточна была эта точка зрѣнiя, и въ какой непроходимый лабиринтъ противорѣчiй она приводила всѣхъ тѣхъ которые ею пользовались. Сенъ Симонъ съ глубокимъ убѣжденiемъ заявляетъ намъ: Если мы возьмемъ рядъ точекъ, то первыя изъ

нихъ образуютъ прошедшее, а послѣднія будущее. Если хорошо изучить первыя точки этого ряда, то нетрудно установить слѣдующія: такимъ образомъ можно по хорошо изученному прошлому легко вывести будущее. Это такъ вѣрно, что въ первый моментъ спрашиваешь себя: почему причисляютъ къ утопистамъ человѣка, который имѣетъ такое ясное представленіе связи различныхъ фазъ историческаго развитія. Но когда ближе знакомишься съ историческими идеями Сенъ Симона, то видешь, что это ему не напрасно дано. Будущее выводится изъ прошлаго, историческое развитіе человѣчества - законосообразный процессъ развитія. Но какая побудительная причина, какая сила приводитъ въ движенье человѣчество и ведетъ его отъ одной ступени развитія къ другой.? Вчемъ можетъ заключаться эта сила, гдѣ ее искать? Здѣсь то Сенъ Симонъ и возвращается къ точкѣ зрѣнія утопистовъ и точкѣ зрѣнія человѣческой природы. Такъ по его мнѣнію главною причиной, вызвавшей французскую революцію, было измѣненіе силъ, которое произошло въ матеріальной и духовной области [ ], а, чтобы умѣло управлять ими и во время прекратить ихъ дѣйствіе, нужно было допустить къ

непосредственной политической дѣятельности силы высшаго качества другими словами нужно было призвать "промышленниковъ" и "ученыхъ" для выработки политической системы, которая соотвѣтствовала новымъ соціальнымъ условіямъ. Этого не произошло, и революція, которая, такъ хорошо началась вступила почти непосредственно за этимъ на ложный путь: "юристы" и "метафизики" стали господами положенія "Это лежитъ въ природѣ людей" отвѣчаетъ Сенъ Симонъ, "они не могутъ переходить отъ одной доктрины къ другой безъ связующаго переходнаго элемента".

Этотъ законъ еще больше проявляется въ различныхъ политическихъ системахъ, чрезъ которыя естественный ходъ цивилизаціи заставляетъ проходить человѣческій родъ. Такъ эта самая необходимость - которая въ "индустріи" создала элементъ новой матеріальной силы, предназначенной для смѣны "военной" силы, а въ "позитивныхъ" наукахъ создала элементъ новой духовной силы которая призвана стать на мѣсто теологической силы эта самая необходимость |прежде чѣмъ эта перемѣна въ состояніи общества стала ясно обнаруживаться| должна была развить и призвать къ дѣятельности матеріальную и духовную силу посредствующаго,

бастардообразную [ ] и переходящаго свойства, силу, вся роль которой состояла въ томъ, чтобы совершить переходъ отъ одной соціальной системы къ другой.

Очевидно что „историческіе ряды" Сенъ Симона ничего собственно не объяснютъ; они сами нуждаются въ объясненіи, и для этого приходится обратиться къ неизмѣнной „человѣческой природѣ": французскую революцію толкнула на такой путь потому что человѣческая природа такова [xx]. [на слѣдующ. страницѣ].

Одно изъ двухъ или человѣческая природа „неизмѣнна", какъ понималъ Морелли и тогда она ничего необъясняетъ въ исторіи, которая показываетъ намъ постоянныя измѣненія въ отношеніяхъ людей въ обществѣ; или же она сама измѣняется въ зависимости отъ тѣхъ объстоятельствъ, для которыхъ люди живутъ, и являются такимъ образомъ отнюдь не причиной, а продуктомъ историческаго развитія. Французскіе матеріалисты очень хорошо знали, что человѣкъ есть продуктъ его соціальной среды: „Человѣкъ цѣликомъ продуктъ воспитанія", говорилъ Гельвецій. Согласно такому положенію Гельвецій повидимому, долженъ былъ оставить точку зрѣнія человѣческой природы и изучить законы развитія той среды

которая образуетъ человѣческую природу, такъ эта среда и даетъ соціальному человѣку то или другое воспитаніе.

xx] Точно также, если мы видимъ, какъ въ исторіи "критическіе" и "органическіе переходы" смѣняютъ другъ-друга, то это въ послѣней инстанціи объясняется не иначе какъ свойствомъ человѣческой природы. Ясно, что такая точка зрѣнія должна была вызвать массу фантастическихъ аналогій между индивидуальнымъ и соціальнымъ организмомъ. Коктизмъ [буржуазная каррикатура Сенъ Симонизма] очень богатъ такими аналогіями. Самъ Сенъ Симонъ также ничего не имѣетъ противъ нихъ. Какъ образецъ могутъ послужить его "Литературные, философскіе и индустріальные взгляды", Гельвецій дѣйствительно сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи. Но ни ему, ни его современникамъ, ни первымъ соціалистамъ первой половины этого столѣтія и никому изъ представителей науки этой эпохи не удалось открыть того новаго способа пониманія, который сдѣлалъ бы возможнымъ изученіе развитія соціальной среды, этой дѣйствительной причины историческаго "воспитанія" человѣка и тѣхъ измѣненій, которыя совершаются въ его "природѣ". Приходилось такимъ образомъ прибѣгать къ человѣче-

ской природѣ, какъ къ единственной исходной точкѣ, которая по крайней мѣрѣ, могла по видимому служить солидной основой для научныхъ изслѣдованій. Но такъ какъ человѣческая природа въ свою очередь измѣняется, то по необходимости пришлось оставить безъ вниманія эти измѣненія и искать устойчевыхъ совойтвъ человѣческой природы, фундаментальныхъ свойствъ, которыя постоянно сохранялись бы, несмотря на измѣненія вторичныхъ несущественныхъ свойствъ, отсюда въ концѣ концовъ приходили къ сухой абстракціи "философовъ": "человѣкъ есть существо чувствующее и одаренное разумомъ". Эта абстракція оказалась очень драгоцѣнной находкой, такъ она предоставила полную свободу дѣлать всякія безсодержательныя предположенія и всевозможные фантастическіе выводы.

Одинъ Гизо - [приведемъ государственнаго дѣятеля - философа первой половины нашего столѣтія] - не чувствовалъ никакой потребности въ исканіи наилучшей соціальной организаціи, совершеннаго законодательства: онъ былъ вполнѣ доволенъ существующимъ. Однако самымъ сильнымъ аргументомъ, который онъ приводилъ въ свою защиту противъ нападокъ не довольныхъ, была все та же

"человѣческая природа" которая по его словамъ дѣла невозмо
нымъ всякое значительное измѣненіе въ соціальной и политиче-
ской конституціи Франціи. А недовольные, въ свою очередь, ос
дали эту конституцію опираясь на туже самую абстракцію. И та
эта абстракція была совершена и какъ мы уже сказали давала п
ную свободу дѣлать всякія безсодержательныя предположенія и
веденные изъ этихъ предположеній все-возможные логическіе вы
воды, то "научная" задача реформаторовъ принимала видъ геоме
ческой проблемы: дана такая "природа", требуется опредѣлить,
какая общественная культура болѣе всего соотвѣтствуетъ ей.
Такъ Морелли горько жалуется на то, что "наши старые учители
не дали себѣ труда поставить на очередь эту замѣчательную пр
лему" и рѣшить ее: "найти состояніе, при которомъ человѣку
возможно было бы быть несчастнымъ или злымъ или въ которомъ
мѣчелось бы минимумъ зла". Мы уже видѣли, что для Морелли ч
ловѣческая природа "едина, постоянна, неизмѣнна". Мы знаемъ
теперь, въ чемъ состоитъ "научная" работа утопистовъ. Чтобы
покончить съ ними, мы напомнимъ читателю, что, такъ "человѣ
ская природа" сухая абстракція и потому мало пит

тельная, то утописты въ дѣйствительности ссылались не столько на человѣческую природу вообще, сколько на идеализированную природу современныхъ имъ людей, которые принадлежали къ тому классу, интересы котораго они сами защищали. Соціальная дѣйствительность неизбѣжно проявлялась въ произведеніяхъ утопистовъ но утописты не отдавали себѣ отчета въ этомъ, они видѣли эту дѣйствительность, только черезъ абстракцію, правда очень сухую тѣмъ не менѣе слишкомъ мало прозрачную.

II

ТОЧКА ЗРѢНІЯ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.

Великіе философы идеалисты Германіи Шеллингъ и Гегель прекрасно понимали недостаточность точки зрѣнія человѣческой "природы". Гегель въ своей философіи исторіи насмѣхается надъ буржуазными утопистами, которые ломали головы надъ лучшей конституціей. Нѣмецкій идеализмъ разсматриваетъ исторію какъ закономѣрный процессъ и ищетъ главную причину историческаго движенія внѣ человѣческой "природы".

Этимъ былъ сдѣланъ большой шагъ въ направленіи къ дѣйствительности. Но идеалисты увидѣли эту главную причину въ

„абсолютной идеѣ", въ „міровомъ духѣ", и такъ ихъ абсолютная идея была ни чѣмъ инымъ какъ абстракціей процесса нашего мышленія, то они въ своемъ историческо-философскихъ спекуляціяхъ снова вывели старую подругу философовъ-матеріалистовъ-человѣческую природу и притомъ въ такомъ одѣяніи, которое было вполнѣ достаточно почтеннаго и строгаго общества нѣмецкихъ мыслителей. Гоните пpиpоду въ дверь, она вернется къ вамъ черезъ окно. Несмотря на всѣ заслуги нѣмецкихъ идеалистовъ передъ соціальной наукой, великая проблема этой науки, ея главная проблема оставалась нерѣшенной во времена нѣмецкихъ идеалистовъ, какъ и во времена французскихъ Матеріалистовъ.

Какая тайная сила производитъ историческое движеніе человѣчества? Объ этомъ ничего не знали.

Въ этой области было сдѣлано нѣсколько болѣе или менѣе вѣрныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ наблюденій - изъ нихъ нѣкоторыя очень вѣрныя и остроумныя -, но это были все разрозненныя и частичныя наблюденія.

Если, наконецъ, соціальная наука всетаки вышла изъ этого глухого переулка, то она этимъ обязана Карлу Марксу.

По Марксу "правовыя отношенія и государственныя формы не могутъ быть поняты ни черезъ самихъ себя ни изъ такъ называемаго общаго развитія человѣческаго духа, а коренятся наоборотъ въ матеріальныхъ условіяхъ существованія, совокупность которыхъ Гегель по примѣру англичанъ и французовъ 18 вѣка называетъ гражданскимъ обществомъ". Почти тоже самое думалъ Гизо, когда онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ говоритъ, что политическія учрежденія коренятся въ состояніи собственности. Но въ то время какъ для Гизо это "состояніе собственности" оставалось тайной, которую онъ напрасно старался раскрыть при помощи своихъ разсужденій о человѣческой природѣ, для Маркса это "состояніе" не заключало въ себѣ больше ничего таинственнаго; оно опредѣляется производительными силами, которыя находятся въ распоряженіи даннаго общества; "анатоміи гражданскаго общества нужно искать въ политической экономіи". Послушаемъ, какъ самъ Марксъ формулируетъ свои историческіе взгляды:

"Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, отъ ихъ воли независящія отношенія, производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опреде

ленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производительныхъ отношеній образу экономическую структуру общества, реальный базисъ, на котор возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ определенныя формы общественнаго сознанія. Вообще способъ производства матеріальной жизни обуславливае процессъ соціальной, политической и духовной жизни. Не созна ніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, а наоборотъ, ихъ общ ственное бытие опредѣляетъ формы ихъ сознанія.

На опредѣленной ступени своего матеріальныя производит ныя силы общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующим производственными отношеніями, или, говоря юридическимъ язы съ отношеніями собственности, среди которыхъ эти силы до си поръ дѣйствовали. Изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію прои водительныхъ силъ, эти отношенія обращаются въ оковы для ни Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи".

Этотъ чисто матеріалистическій взглядъ на исторію есть одно изъ величайшихъ открытій нашего столѣтія, которое так гато научными открытіями. Только ему мы обязаны тѣмъ, что о

щественная наука навсегда вышла изъ этого таинственнаго заколдованнаго круга, въ которомъ она до сихъ поръ вращалась; только ему мы обязаны тѣмъ что эта наука имѣетъ подъ собою не менѣе твердую почву [основу], чѣмъ естественныя науки. Переворотъ который произвелъ Марксъ въ соціальной наукѣ, можно сравнить съ переворотомъ, который произвелъ Коперникъ въ астрономіи. На самомъ дѣлѣ, до Коперника считалось неопровержимымъ что земля неподвижна, и солнце обращается вокругъ нея .Геніальный полякъ доказалъ, что дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Точно также до Маркса исходной точкой соціальной науки была человѣческая природа; съ этой точки зрѣнія пытались объяснить историческое движеніе человѣчества. Точка зрѣнія геніальнаго нѣмца какъ разъ противоположная: въ то время какъ человѣкъ добывая средства для своего существованія, воздѣйствуетъ на внѣшнюю природу, онъ измѣняетъ свою собственную природу. Воздѣйствіе человѣка на внѣшнюю природу предполагаетъ опредѣленныя орудія и производственныя отношенія; сообразно съ характеромъ своихъ средствъ производства люди вступаютъ во время процесса производства [потому что этотъ процессъ общественный] въ тѣ или другія отношенія другъ къ другу и сообразно сихъ отношеній

въ процессѣ общественнаго производства измѣняются ихъ привычки чувства, наклонности ихъ способъ мыслить и поступать однимъ ихъ природа. Такимъ образомъ не человѣческой природой объясняется историческое движенie, а, наоборотъ, историческое движенie производитъ различныя измѣненiя въ человѣческой природѣ.

Но если это такъ, то какую цѣну мы можемъ придавать болѣе или менѣе остроумнымъ изысканiямъ "современнаго законодательства", наилучшей изъ всѣхъ возможныхъ организацiй? Никакой, буквально никакой. Они могутъ только обнаружить скудность научнаго образованiя у тѣхъ, которые имъ предаются. Время для нихъ прошло навсегда.

Утописты всѣхъ направленiй и всѣхъ оттѣнковъ съ этой старой точки зрѣнiя человѣческой природы должны были исчезнуть. Великая революцiонная партiя нашего времени, интернацiональная соцiалистическая демократiя не опирается ни на "новое толкованiе" человѣческой природы, ни на какой-нибудь абстрактный принципъ, но на "естественнонаучнымъ путемъ точно констатируемую" экономическую необходимость. Это и составляетъ силу этой партiи и дѣлаетъ ее столь непобѣдимой, и самое какъ экономическую необходимость.

"Средства производства и сообщенія, на почвѣ которыхъ выросла буржуазія, были созданы въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія отношенія, при которыхъ феодальное общество продуцировала и обмѣнивала - феодальная организація земледѣлія и мануфактуры, однимъ словомъ феодальныя отношенія собственности, не отвѣчали уже болѣе развившимися производительнымъ силамъ. Они задерживали производство вмѣсто того чтобы помогать ему. Они должны были исчезнуть, и они исчезли.

На ихъ мѣсто выступила свободная конкуренція съ выкроенной подъ ея мѣрку общественной и политической конституціей съ экономическимъ господствомъ буржуазнаго класса.

На нашихъ глазахъ происходитъ такое же движеніе. Буржуазныя отношенія производства и сообщенія, буржуазныя отношенія собственности, современное буржуазное общество, которое изобрѣло такія огромныя средства производства и сообщенія, подобно чародѣю, который не въ состояніи болѣе

управлять тѣми темными силами, которыя онъ вызвалъ.

На протяженіи десятилѣтій исторія индустріи и торговли представляетъ собою только исторію борьбы | современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ производственныхъ отношеній, противъ отношеній собственности, которыя обуславливаютъ существованіе буржуазіи и ея господство.

Достаточно указать на торговые кризисы, которые своими періодическими повтореніями все болѣе и болѣе начинаютъ угрожать существованію всего буржуазнаго общества. Оруд[illegible] которымъ буржуазія побило феодализмъ, направляется тепе[illegible] противъ самой буржуазіи. [Манифестъ коммунистич. партіи I гл.].

Буржуазія разрушила феодальныя отношенія собственности, прол[illegible]таріатъ положилъ конецъ существованію буржуазныхъ отношеній собственности. Борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей - бо[illegible]ба непримиримая, крайне напряженная и также неизбѣжна, какъ она была въ свое время неизбѣжна между буржуазіей и привелли[illegible]герованными сословіями. Чтобы уничтожить феодальное общество

буржуазія должна была   политической властью. Пролетаріатъ долженъ будетъ поступить точно также, чтобы покончить съ буржуазнымъ обществомъ. Ея политическая задача заранѣе намѣчена такимъ образомъ самимъ ходомъ вещей, а не тѣми или другими абстрактными размышленіями.

Замѣчательно то, что только со времени Карла Маркса соціализмъ становится на точку зрѣнія классовой борьбы. Утопическіе соціалисты не имѣли о ней хотя бы сколько нибудь яснаго понятія. Въ этомъ отношеніи они стояли ниже своихъ современниковъ - теоретиковъ буржуазіи, которые по крайней мѣрѣ хорошо понимали историческое значеніе борьбы третьяго сословія против дворянства.

Если каждый изъ "новыхъ взглядовъ" на человѣческую природу изобиловалъ очень ясными указаніями по организаціи "будущаго общества", то научный соціализмъ очень бѣденъ подробностями такого рода. Соціальный строй зависитъ отъ состоянія его производительныхъ силъ. Каково будетъ состояніе этихъ силъ въ тотъ моментъ, когда пролетаріатъ получитъ власть въ свои руки? Мы этого не знаемъ. Теперь мы знаемъ только одно, а именно, что производительныя силы, которыми уже располагаетъ теперь циви-

Меня называютъ отцомъ анархіи. Это слишкомъ много чести для меня. Отецъ анархіи - безсмертный Прудонъ, который впервые изложилъ ее въ 1848 г."

Такъ говоритъ Петръ Крапоткинъ въ своей защитительной речи передъ уголовнымъ судомъ въ Ліонѣ [Процессъ 1883 Какъ это довольно часто случается съ моими любезными соотечественниками, Крапоткинъ на этотъ разъ сказалъ то, чего насамомъ дѣлѣ не было.

Впервые Прудонъ говоритъ объ анархіи въ своей извѣстной книгѣ: "Что такое собственность или изслѣдованіе о принципѣ права и правительствъ", первое изданіе которой появилось уже въ 1840 г. Правда онъ тамъ мало ее "излагаетъ"; онъ посвящаетъ ей только нѣсколько страницъ [См. стр. 295-305 изд. 1841 г.] Между тѣмъ, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ изложенію анархической теоріи "въ 1848 г:", эта работа была уже сдѣлана нѣмцемъ Максомъ Штирнеромъ [псевдонимъ Каспара Шмидта] въ 1845 г. въ книгѣ: "Личность и ея собственность" [

Максъ Штирнеръ имѣетъ такимъ образомъ вполнѣ основательное

право на титулъ отца анархіи. "Безсмертный" или нѣтъ - онъ впервые "изложилъ" эту теорію.

МАКСЪ ШТИРНЕРЪ.

Анархисткую теорію Макса Штирнера называли карикатурой философіи религіи Людвига Фейрбаха. [Такъ наприм., называетъ ее Ибервегъ въ своихъ "очеркахъ исторія философіи", 3-я ч. новѣйшая философія".] Высказывали даже предположеніе, что Штирнеръ своей книгой хотѣлъ выяснить эту философію.

Но это совершенно неосновательное предположеніе . Штирнеръ совсѣмъ не шутилъ, излагая свою теорію, онъ въ ней былъ глубоко убѣжденъ, хотя и проявляетъ тенденцію вполнѣ естественную для того будущаго времени, превзойти Фейрбаха радикальнымъ характеромъ своихъ выводовъ.

Для Фейербаха то, что люди называютъ божественнымъ только продуктъ ихъ фантазіи, психологической ошибки [психолог-аго обмана]. Не божество создало человѣка, а человѣкъ создаетъ себѣ божество по своему собственному подобію. Въ лицѣ Бога человѣкъ молится своему собственному бытію. Богъ только вымыселъ и притомъ очень вредный вымыселъ. Христіанскій Богъ почитается

какъ воплощеніе любви и состраданія къ страждущему человѣчеству и несмотря на это или на оборотъ, какъ разъ поэтому всякій праведный христіанинъ презираетъ атеистовъ, которые ему кажутся живымъ отрицаніемъ всякой любви и всякаго состраданія, и онъ долженъ ихъ презирать.

Такимъ образомъ Богъ любви становится богомъ ненависти богомъ преслѣдованія; изъ продукта фантазіи человѣка онъ становится дѣйствительной причиной его страданій. И по этому нужно положить конецъ этой фантасмагоріи. Такъ въ лицѣ божества человѣкъ молится своему собственному бытію, то нужно, наконецъ, разъ навсегда порвать и отбросить это мистическое покрывало, въ которое прячется это бытіе. Любовь къ человѣчеству не должна реализироваться внѣ человѣчества.

Человѣкъ для человѣка высшее существо".

Таковы взгляды Фейербаха.

Максъ Штирнеръ съ нимъ вовсемъ согласенъ, но онъ дѣлаетъ изъ теоріи послѣдніе и самые радикальные выводы. Ходъ его доказательствъ слѣдующій: Богъ-ничто иное, какъ продуктъ фантазіи, "ничто иное, какъ призракъ. Согласенъ. Но что такое человѣчест-

во, любовь котораго вы мнѣ проповѣдуете? Развѣ это не есть также призракъ, абстрактное существо, воображаемый предметъ? Гдѣ оно существуетъ, ваше человѣчество, если не въ головѣ людей , въ головѣ индивидуумовъ? Нѣтъ поэтому въ дѣйствительности ничего кромѣ индивидуума съ его потребностями, его тенденціями и волей. А если это такъ, то какъ вы хотите, чтобы индивидуумъ, это дѣйствительное существо жертвовало собою за счатье „человѣчества", абстрактнаго существа. Вы можете себѣ возмущаться противъ милаго стараго Бога, но вы все же не оставляете религіозной точки зрѣнія, и эмансипація, которую Вы намъ стараетесь навязать, – цѣликомъ теологическая, т.е. богословская" Высшее бытіе, конечно, бытіе человѣка, но именно по этому, что это его бытіе а не онъ самъ, то совершенно безразлично, видимъ ли мы это бытіе внѣ его и считаемъ „Богомъ", или внутри его и называемъ „бытіе человѣка" или „человѣкомъ, я ни Богъ, ни человѣкъ, ни высшее бытіе, ни мое бытіе и поэтому въ сущности безразлично, мыслю ли я бытіе внутри или внѣ себя. И мы на самомъ дѣлѣ мыслимъ высшее бытіе въ двухъ мірахъ, во внутреннемъ и внѣшнемъ въ одно и тоже время: „Духъ Божій" по христіанскому

мировоззрѣнію вмѣстѣ съ этимъ и Нашъ Духъ и „пребываетъ въ насъ"". Онъ пребываетъ на небесахъ и пребываетъ въ насъ; мы бѣдныя существа служимъ его „мѣстопребываніемъ", и если Фейербахъ къ тому еще его небесное жилище и заставляетъ его со всѣмъ скарбомъ перемѣщаться къ намъ, то мы, его земныя квартиры, мы будемъ слишкомъ переполены имъ |

Для того чтобы избѣжать непріятности такого „переполнен[ія]", чтобы не дать „призраку властвовать надъ нами и чтобы стать, наконецъ, на реальную почву, - для всего этого мы обладаемъ однимъ лишь средствомъ: избрать нашей исходной точкой единс[т]венно реальное бытіе, наше собственное „Я".

Прочь, со всякимъ дѣломъ, которое есть цѣликомъ мое дѣ[ло]. „Вы думаете, Моимъ дѣломъ должно, по крайней мѣрѣ, быть „Добр[ое] дѣло"? Добро и зло. Да я самъ мое дѣло, а я ни добро и ни з[ло]. Ни то ни другое не имѣетъ для меня никакого смысла.- Божеск[ое] дѣло Бога, человѣческое - дѣло „человѣка". Мое дѣло ни Боже[ское,] ни человѣческое, ни истинное, ни доброе, ни злое, ни правое

ни свободное и т.п., но только Мое, и оно не всеобщее, а еденичное, какъ еденичень Я. Для меня нѣтъ ничего важнѣе Меня "

Религія, совѣсть, мораль, право, законъ, семья, государство - это только бремя, которое на меня набросали во имя какой-то абстракціи, это деспоты, противъ которыхъ Я, сознающій Свое дѣло индивидуумъ, борюсь всѣми имѣющимися у меня средствами. Ваша мораль, не только мораль буржуазныхъ филистеровъ, но и самая возвышенная, человѣческая мораль, есть только религія, которая замѣнила высшее бытіе. Ваше право, которое, по Вашему мнѣнію рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, есть привидѣніе, и если вы съ нимъ считаетесь, вы ушли дальше героевъ Гомера, которые приходили въ ужасъ, какъ только замѣчали во время сраженія какого-нибудь Бога въ рядахъ непріятелей. Право есть власть.

"У кого власть, у того и право; если первая въ вашихъ рукахъ, то вы обладаете также и вторымъ. Неужели такъ трудно понять эту мудрость? |

Меня хотятъ уговорить, чтобы я пожертвовалъ Моими интересами въ пользу интересовъ государства. Я же, наоборотъ всякому госу

дарству, даже демократическому, объявляю войну на жизнь и на смерть... Всякое государство деспотія, все равно, одинъ ли там деспотъ, или ихъ много, или, какъ это предполагаютъ для республики, всѣ господа, т.е. всѣ деспоты по отношенію другъ къ другу. Такъ именно и бываетъ, когда издаваемый по какому-нибудь поводу законъ, служащій выраженіемъ воли какого-нибудь народнаго соображенія, долженъ тотчасъ для каждаго отдѣльнаго человѣка стать закономъ, которому онъ обязанъ повиноваться. Представьте себѣ даже тотъ случай, когда каждый отдѣльный человѣкъ изъ народа выражалъ одну и туже волю и такимъ образомъ вполнѣ достигнута была „народная воля": дѣло отъ этого нисколько не измѣнится. Развѣ Я на сегодня и на будущее время не связанъ своей вчерашней волей? Моя воля въ такомъ случаѣ застыла-бы. Жалкая неподвижность. Мое созданіе, именно опредѣленное выраженіе моей воли, сдѣлалось бы моимъ повелителемъ. А Я, творецъ, былъ бы лишенъ воли двигаться и былъ бы въ покоѣ|

|Только потому, что я вчера былъ глупцомъ, я долженъ былъ бы остаться имъ на всю жизнь. Такимъ образомъ Я

въ государственной жизни въ лучшемъ случаѣ - я могъ бы точно также сказать и въ худшемъ случаѣ являясь рабомъ Меня самого. Потому, что я вчера имѣлъ желанiе, Я ихъ сегодня не имѣю, вчера со свободной волей, сегодня съ несвободной"

Приверженецъ "народнаго государства" могъ бы возразить на это Штирнеру, что его "Я" слишкомъ далеко заходитъ въ своемъ стремленiи доводитъ до абсурда демократическую свободу; такой плохой законъ можетъ быть отмѣненъ, какъ только этого захочетъ большинство, то нѣтъ необходимости повиноваться ему впродолженiе цѣлой жизни.

Но это незначительная подробность, и Штирнеръ навѣрно отвѣтилъ бы на это, что именно необходимость апеллировать сначала къ большинству, доказываетъ, что я уже не господинъ больше своихъ собственныхъ поступковъ.

Выводы нашего автора неопровержимы на томъ простомъ основанiи, что говоритъ: Я не признаю ничего кромѣ Меня - значитъ утверждать уже: Я себя чувствую подавленнымъ всякимъ учрежденiемъ, которое налагаетъ на меня какая-нибудь обязанность.

Это только простая тавтологія.

Ясно, что никакое "Я" одно существовать не можетъ. Штирнеръ это прекрасно понимаетъ и по этому то онъ проповѣду свои "союзы эгоистовъ" [ ], т.е. своб ныя объединенія, въ которыя вступаетъ каждое "Я" и въ котор онъ остается до тѣхъ поръ, пока это выгодно для его интерес

Остановимся немного на этомъ.

Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ "эгоистической" системою

Это можетъ быть единственное, что исторія человѣческой мысли вообще отмѣтить. Французскихъ матеріалистовъ прошлаго столѣтія обвиняли въ томъ, что они проповѣдывали эгоизмъ. Это большая ошибка. Французскіе матеріалисты постоянно проп вѣдывали "добродѣтель", и они проповѣдывали это съ такимъ обузданнымъ рвеніемъ, что Гриммъ не безъ основанія высмѣива по этому поводу ихъ "капуцинады". Вопросъ эгоизмъ имѣлъ въ глазахъ значеніе двойной "проблемы".

I. Человѣкъ имѣетъ только чувства [

]; это было основное положеніе въ и разсужденіяхъ о человѣкѣ; сама природа его принуждаетъ избѣ

гать страданій и искать удовольствій. Но почему же мы видимъ людей, способныхъ переносить величайшія страданія во имя тріумфа идеи т.е. въ послѣдней инстанціи для того, чтобы доставить пріятныя ощущенія своимъ ближнимъ?

2. Такъ человѣкъ ничего не имѣетъ кромѣ чувствъ, то онъ сталъ бы причинять вредъ своему ближнему, еслибы его помѣстить въ соціальную среду, въ которой интересы индивидуумовъ были бы противоположные. Какое же законодательство наиболѣе приспособлено согласовать общественное благо съ благомъ индивидуума. Въ этой двойной проблемѣ заключается все значеніе материалистической этики восемнадцатаго столѣтія.

Максъ Штирнеръ преслѣдуетъ совершенно противоположную цѣль Онъ насмѣхается надъ „добродѣтелью" и нисколько не желая ея тріумфа, онъ видитъ разумныя существа только въ тѣхъ эгоистахъ для которыхъ нѣтъ ничего выше ихъ собственнаго „Я". Повторяемъ онъ теоретикъ эгоизма.

Добрые граждане, уши которыхъ такъ же цѣломудренны и добродѣтельны, какъ ихъ сердца черствы, которые пьютъ вино а „публично проповѣдываютъ воду" [[illegible]] были

крайне возмущены безнравственностью Штирнера; "да вѣдь это
ное разрушеніе міра", кричали они. Но какъ это всегда быва
добродѣтель филистеровъ очень оказалась бѣдной на аргумент
"Истинная заслуга Штирнера заключается въ томъ, что онъ ска
послѣднее слово молодой атеистической школы" [т.е. лѣваго к
ла гегеліанской школы Г.П.], писалъ французъ сенъ Рене Тал
Такія же мнѣнія высказывали и филистеры другихъ странъ о за
гахъ смѣлаго писателя. Однако съ точки зрѣнія современнаго
ціализма показывается въ совершенно другомъ свѣтѣ

Вопервыхъ, неоспоримая заслуга Штирнера заключается въ томъ, что онъ всенародно и энергично выступилъ противъ сла вой сантиментальности буржуазныхъ реформаторофъ и многихъ у пическихъ соціалистовъ, по мнѣнію которыхъ эмансипація про тарiата будетъ результатомъ "добродѣтельныхъ поступковъ" данныхъ людей изъ различныхъ классовъ, главнымъ образомъ из имущихъ классовъ. Штирнеръ очень хорошо знаетъ, что можно дать отъ "самопожертвованія" эксплоататоровъ. "Богатые" же ки, а "бѣдняки" [это – терминологія нашего автора] глупо д что жалуются на это: богатые не повинны, въ несчастіяхъ бѣд

ковъ, но бѣдные повинны въ богатствѣ богатыхъ. Пусть же они жалуются на самихъ себя, если ихъ положеніе такое угнетенное. Чтобы измѣнить это положеніе имъ нужно возстать противъ богатыхъ. Какъ только они серьезно этого захотятъ, сила окажется на ихъ сторонѣ; и господству богатыхъ положенъ конецъ. Спасеніе въ борьбѣ, а не въ безплодномъ аппеллированіи и великодушіи угнетателей. - Штирнеръ проповѣдуетъ такимъ образомъ классовую борьбу. Но онъ ее представляетъ себѣ въ абстрактной формѣ борьбы извѣстнаго числа „Я" противъ меньшаго числа не менѣе эгоистичныхъ „Я". Между тѣмъ - здѣсь мы наталкиваемся на другую заслугу Штирнера.

По мнѣнію Тальяндье [ ] Штирнеръ сказалъ послѣднее слово молодой атеистической школы нѣмецкой философіи. На самомъ дѣлѣ онъ только сказалъ послѣднее слово идеалистической спекуляціи. и это его неоспоримая заслуга.

Въ своей картинкѣ религіи Фейербахъ только на половину матеріалистъ. Поклоняясь Богу, человѣкъ поклоняется своему собственному идеализированному бытію. Это вѣрно. Но религіи возникаютъ и исчезаютъ, какъ все другое на землѣ. Не указы-

ваетъ ли это на то, что человѣческое бытiе не отстается неизмѣннымъ, что оно измѣняется въ историческомъ процессѣ развитi общества? Ясно, что именно такъ и есть. Но если такъ, то как ва же причина историческаго измѣненiя "человѣческаго бытiя". Фейербахъ объ этомъ ничего незнаетъ. Для него человѣческое бытiе только абстрактное понятiе, какъ человѣческая природа дл французскихъ матерiалистовъ. Это фундаментальный недостаток его критики религiи. Штирнеръ очень вѣрно замѣчаетъ, что эта критика слишкомъ слаба и онъ хочетъ ее укрѣпить, заставляя е дышать свѣжимъ воздухомъ дѣйствительности онъ отбрасываетъ в

, всѣ "воображаемые предметы". Въ дѣйствительности, говоритъ онъ, существуютъ только индивидуумы, поэ му и выберемъ индивидуумовъ своей исходной точкой? Есть ли Иванъ, Яковъ, Петръ или Исидоръ? Нѣтъ это индивидуумъ вообще это новая абстракцiя и къ тому же самая тощая, это - "Я".

Штирнеръ наивно думаетъ, что онъ даетъ, наконецъ отвѣтъ на старый философскiй вопросъ, изъ-за котораго еще спорили н миналисты и реалисты въ среднiе вѣка. "Ни одна идея бытiя" - говоритъ онъ - "такъ она неспособна воплощаться. Вотъ смыслъ

пользоваться наибольшей свободой. Свобода, соотвѣтствующая | | порядку и согласованная съ нимъ, вотъ все, что въ дѣйствительнойсти содержитъ въ себѣ общественное насиліе и политика. Но какъ образуется абсолютная свобода, равносильная порядку? Это мы узнаемъ изъ анализа различныхъ формъавторитета. Впрочемъ мы также мало допускаемъ власть человѣка надъ человѣкомъ, какъ и эксплоатацію человѣка надъ человѣкомъ". |См. для всѣхъ вышеприведенныхъ цитатъ предисловіе къ третьему изданію " " Это предисловіе есть только извлеченіе изъ " " отъ ноября 1849 г. Только въ 1849 г. началъ Прудонъ "излагать" анархисткую теорію. Въ 1848 г. онъ, съ согласія Крапоткина, изложилъ только свою теорію обмѣна, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавъ 6 т. собранія его сочиненій |Парижъ 1868|. "Критика" демократіи, помѣщенная мартомъ 1848 г., еще не есть изложеніе анархисткой теоріи. Эта критика есть часть произведенія: "Рѣшеніе соціальнаго вопроса" | |, и это рѣшеніе Прудонъ хочетъ найти безъ кредита, монеты, безъ бумажныхъ денегъ, безъ высшей цѣны | |, безъ реквизиціонной системы, безъ

банкротства, безъ   законодательства, безъ таксы въ пользу бѣдныхъ, безъ вмѣшательства государства, без ограниченія свободы торговли и производства, безъ нарушенія права собственности, однимъ словомъ прежде всего "безъ всяко классовой борьбы". Дѣйствительно "безсмертная"идея, достойна удивленія со стороны всѣхъ мирныхъ, сентиментальныхъ и злобн буржуа всѣхъ окрасокъ, бѣлой, голубой и красной.| Съ этихъ поръ мы пребываемъ на вершинѣ политической философіи Прудона. Здѣсь будетъ свое начало свѣтъ и живительный потокъ его анар хистсткихъ мыслей. Но прежде чѣмъ послѣдовать за нѣсколько извивающимся теченіемъ этого потока, разсмотримъ ту тропинку по которой мы взбирались на вершину.

Мы воображали, что слѣдуемъ Канту, и ошиблись. Въ своей "Критикѣ чистаго разума" Кантъ показалъ невозможность доказа существованіе Бога, потому что все, что стоитъ внѣ нашего оп та, абсолютно ускользаетъ отъ насъ. Въ своей "Критикѣ чистаг разума" Кантъ во имя морали призналъ существованіе Бога. Но никогда онъ не говорилъ, что богъ есть только изображеніе на шей собственной души. То, что Прудонъ ему приписываетъ, прин

лежитъ какъ неоспоримая собственность Фейербаху. Такимъ образомъ мы только слѣдовали примѣру послѣдняго, когда мы большими штрихами нарисовали біографію политической идеи. Прудонъ насъ снова приводитъ къ тому пункту, отъ котораго мы начали свое далеко не сентиментальное путешествіе въ обществѣ Штирнера. Чтоже, послѣдуемъ снова за Фейербахомъ со своими аргументами.

Въ религіи человѣчество ищетъ только самого себя. Только самого себя, только свободу ищетъ гражданинъ въ правительствѣ.. Поэтому бытіе гражданина есть свобода? Предположимъ, что это правда, но въ то же время мы констатируемъ, что нашъ французскій "Кантъ" ничего абсолютно ничего не сдѣлалъ для того, чтобы доказать "достовѣрность" такой "идеи". Но этого мало. Какая это свобода представляетъ бытіе гражданина? Не есть ли это политическая свобода, которая естественно должна быть главнымъ предметомъ его заботъ? Ни въ коемъ случаѣ. Предположить это значило бы дѣлать изъ "гражданина" демократа, признающаго авторитетъ. Свобода, которую гражданинъ ищетъ въ правительствѣ, есть въ одно и то же время "адекватная" |равная| и "тождествен

ная" съ порядкомъ "абсолютная" свобода индивидуума. Выражая другими словами, анархія Прудона и есть бытіе "гражданина". Болѣе пріятнаго открытія нельзя сдѣлать, но "біографія" это открытія даетъ матеріалъ для размышленій. Мы хотимъ опровер всѣ аргументы, приводимые въ защиту идеи авторитета, какъ К разрушилъ всѣ доказательства существованія Бога. Чтобы дост нуть этой цѣли, мы предположили, что гражданинъ ищетъ въ п вительствѣ свободу, и подражали въ этомъ Фейербаху, по мнѣн котораго человѣкъ въ лицѣ Бога молится своему собственному тію. Что же касается свободы, то мы ее однимъ взмахомъ обра ли въ "абсолютную"свободу, анархистскую свободу. Разъ, два, три, лвкость не чародѣйство.

Такъ какъ "гражданинъ" ищетъ въ правительствѣ "абсолют ной" свободы, то государство есть только вымыселъ и "всѣ эт документы правительства, за которыя народъ и граждане душат другъ друга въ теченіи 60 столѣтій, суть только созданія на шей фантазіи. Первая обязанность свободнаго и разумнаго чело ка перенести ихъ въ библіотеки и музей". Еще прекрасное отк тіе, сдѣланное мимоходомъ: побудительной причиной политичес

движеній человѣчества "въ теченіи 60 столѣтій" было создание нашей фантазіи.

Утверждать, что въ лицѣ бога человѣкъ молится своему собственному бытію, значитъ указывать на происхожденіе религіи но это еще не значитъ писть ея біографію. Писать біографію религіи значитъ писать ея исторію и объяснить развитіе того человѣческаго бытія, которое нашло свое выраженіе въ ней. Фейербахъ этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Прудонъ, который хотѣлъ подражать Фейербаху, былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы понять недостаточность его точки зрѣнія. Все, что онъ могъ, сводилось къ тому, что онъ Фейербаха принялъ за Канта и самымъ жалкимъ образомъ подражалъ своему Кант-Фейербаху. Онъ слышалъ, что божество есть вымыселъ, тотчасъ порѣшилъ, что государство такой же вымыселъ: такъ какъ богъ не существуетъ, то почему же существовать государству? Прудонъ хотѣлъ бороться противъ государства и началъ съ того, что сталъ отрицать его существованіе. Этого было достаточно, чтобы читатели "

" начали рукоплескать ему и чтобы друвья его пришли въ ужасъ передъ глубиною его философскаго ума. Истинная трагико-

медія.

Для читателей нашего времени почти не нужно прибавлять, что, коль скоро мы объявляемъ государство вымысломъ " ", мы этимъ самымъ лишаемъ себя возможности понять его "сущность" или объяснить его историческое развитіе. Это и с чилось и съ Прудономъ.

"Я различаю во всякомъ обществѣ два рода конституцій. Одну я называю соціальной конституцей, другую политической. Первая самымъ тѣснымъ | | образомъ связана съ че ловѣчествомъ, либеральна, прогрессивна. Каждый шагъ ея впер направленъ къ освобожденію себя отъ второй. Существенная ч та второй - произволъ, гнетъ и ретоградство.- Соціальная ко туція есть ничто иное какъ равновѣсіе интересовъ, основанны на свободномъ договорѣ и организаціи экономическихъ силъ. Эти интересы въ общемъ слѣдующіе: Прудонъ, раздѣленіе труда, торговля, деньги, машины, кредитъ, собственность, равенство договорѣ, взаимность гарантій и др.

Политическая конституція имѣетъ своимъ принципомъ автор тетъ. Формы ея суть: классовыя различія, раздѣленіе власти,

административная централизація, судебная іерархія, представительство верховной власти при помощи выборовъ и пр. Она была придумана и постепенно усовершенствована за неимѣніемъ соціальной конституціи, принципы которой могли быть открыты только послѣ долгаго опыта и теперь еще составляютъ предметъ соціалистическихъ споровъ.

Эти двѣ конституціи, какъ легко видѣть, совершенно различны и непримиримы по своей природѣ. Но такъ политической конституціи суждено призвать къ жизни соціальную конституцію, то кое-что всегда проскальзываетъ изъ послѣдней въ первую и обосновывается тамъ. Первая же становится недостаточной; ея противорѣчія вызываютъ недовольство, которое послѣ ряда уступокъ ведетъ къ окончательному отмѣненію ея".

изд. 1868, IX т.

Собр. соч. Пруд. стр. 166-167.

Соціальная конституція "самымъ тѣснымъ образомъ связана" съ человѣчествомъ, ему необходима . И не смотря на это она могла быть открыта только послѣ долгаго опыта, и, такъ ея не было, то человѣчество должно было изобрѣсти "политическую

конституцію". Развѣ это не чисто утопическій взглядъ на че-
вѣческую природу и тѣсно связанную съ ней соціальную консти-
туцію? Развѣ мы не возвращаемся къ точкѣ зрѣнія Морелли, по
словамъ котораго человѣчество на протяженіи всей своей исто-
всегда находилось "внѣ своей природы". Да намъ совсѣмъ и не
нужно возвращаться къ нему: пойдемъ за Прудономъ и мы ни на
одно мгновеніе не упустимъ его изъ виду. Если Прудонъ смо-
сверху внизъ на утопистовъ и ихъ исканіе "наилучшей формы п-
вительства", то онъ отнюдь не осуждаетъ точки зрѣнія утопи-
стовъ. Онъ только посмѣивается надъ недостаточнымъ остроум-
этихъ людей, которые не открыли, что лучшая политическая ор-
низація - это отсутствіе всякой политической организаціи.
организація, соотвѣтствующая человѣческой природѣ, необхо-
мѣшая, съ человѣчествомъ "тѣмъ связанная" есть соціальная
организація.

Соціальная конституція по природѣ своей абсолютно отли-
чается отъ политической конституціи и даже несовмѣстима
ней. Тѣмъ не менѣе политической конституціи "суждено" пост-
но приводить къ жизни соціальную конституцію. Это старшно

чивое выраженіе. Однако мы выйдемъ изъ затрудненія, если предположимъ, что Прудонъ хочетъ сказать: политическая конституція вліяетъ на развитіе соціальной конституціи. Здѣсь немедленно поднимается вопросъ: не имѣетъ ли политическая конституція въ свою очередь, съ чѣмъ согласился уже Гизо, своихъ корней въ соціальной конституціи данной страны? Согласно нашему автору нѣтъ, и тѣмъ болѣе нѣтъ, что соціальная конституція, какъ истинная и единственная, есть только дѣло будущаго; за ея отсутствіемъ случилось даже то, что бѣдное человѣчество придумало себѣ политическую конституцію. Кромѣ того политическая конституція Прудона обнимаетъ слишкомъ большую область: она заключаетъ въ себѣ даже "раздѣленіе на классы" и вслѣдствіе этого также и не организованную собственность, собственность, которой не должно было быть, но которая теперь есть. И такъ вся эта конституція была выдумана въ ожиданіи анархистской организаціи общества, то ясно, какъ день, что вся предыдущая исторія человѣчества была ничѣмъ инымъ какъ огромнымъ заблужденіемъ. Государство не есть какъ разъ чистая фикція, какъ утверждалъ Прудонъ въ 1849 году, "формулы правительства, из-за народы и

граждане душатъ другъ-друга впродолженіе 60 столѣтій" - т
не одно только "созданіе нашей фантазіи", какъ думалъ тог
Прудонъ, но это формулы, какъ государство, какъ вообще по
ческая конституція, ~~суть~~ суть продуктъ человѣческаго невѣ
ства, матери фикцій и выдумокъ. Въ сущности это все таже
рія. Главное же то, что анархистская |"соціальная"| орган
ція могла быть только открыта "послѣ долгаго опыта". Как
жаль, неправда-ли, читатель?

Политическая конституція имѣетъ безспорное вліяніе на
соціальную организацію; она въ меньшей мѣрѣ призываетъ ее
жизни, - это какъ разъ ея "судьба", открытая для нея. Пруд
номъ, преподавателемъ кантіанской философіи и соціальной о
низаціи . Логическимъ выводомъ отсюда было бы, что провер
цы соціальной организаціи должны также воспользоваться пол
ческой организаціей для достиженія своихъ цѣлей. Но какъ б
ни было логично, это не во вкусѣ нашего автора. Для него о
только созданіе нашей фантазіи. Пользоваться политической
ституціей значило бы приносить жертвы страшному богу автор
и принимать участіе въ борьбѣ партій. Прудонъ ничего этого

хочетъ. "Никакихъ партій больше, никакого авторитета, абсолютная свобода человѣка и гражданина: это - говоритъ онъ - въ трехъ словахъ наше политическое и соціальное вѣроисповѣданіе" | стр. 25-36.|

Всякая классовая борьба есть политическая борьба. Тотъ, кто не хочетъ слышать о политической борьбѣ, уже этимъ самимъ отказывается принимать какое-либо участіе въ классовой борьбѣ. Такъ съ Прудономъ и случилось. Съ начала революціи 1848 г. онъ проповѣдывалъ примиреніе классовъ. Вотъ, наприм., одно мѣсто изъ его циркуляра къ его избирателямъ департамента Ду | | отъ 3-го апрѣля того же года.

"Соціальный впросъ поставленъ. Вы не избѣгнете его. Для его рѣшенія нужны люди, которые соединяютъ въ себѣ самыя радикальныя стремленія съ самими консервативными. Рабочіе, протяните руку своимъ принципаламъ, а вы, работодатели, не отталкивайте отъ себя своихъ наемниковъ"

Указанный Прудономъ человѣкъ соединяющій въ себѣ крайній радикализмъ съ крайнемъ консерватизмомъ, - это онъ самъ Г.И. Прудонъ. Съ одной стороны въ этой мысли проглядываетъ "фикція"

которая свойственна всѣмъ утопистамъ. Всѣ они воображали,
могутъ подняться надъ классами и ихъ борьбою, и наивно вѣри
что вся дальнѣйшая исторія человѣчества должна свестись к
ной пропагандѣ новаго евангелія.

Съ другой стороны, это стремленіе соединить радикализ
съ консерватизмомъ ясно обнаруживаетъ "бытіе" самого"отца
хіи". Прудонъ былъ типичнымъ представителемъ мелкобуржуазн
соціализма.

Это и есть "судьба" мелкаго буржуа - колебаться между
дикализмомъ и консерватизмомъ, до тѣхъ поръ пока онъ не ст
вится на точку зрѣнія пролетаріата. Чтобы лучше понять это
нужно представить себѣ, въ чемъ состоялъ предложенный Пруд
номъ планъ соціальной организаціи.

Предоставимъ слово самому автору. И на этотъ разъ сам
собою разумѣется, намъ случайно придется встрѣтиться съ бо
или менѣе авторитетными толкованіями Канта.

" Путь, который мы думаемъ предложить для разсмотрѣні
политическаго вопроса и подготовленія матеріаловъ для пере
ра государственнаго строя, будетъ тотъ же самый, который б

выбранъ нами при обсужденіи соціальнаго вопроса."

" будетъ продолжать дѣло обѣихъ предшествовавшихъ ей газетъ и будетъ твердо стоять на своей позиціи. Онъ говоритъ о газетахъ

въ 1848-49 г.г.

"Что мы сказали въ этихъ двухъ газетахъ, которыя пали одна за другой подъ ударами реакціи и осаднаго положенія? Мы не спрашиваемъ, какъ это до сихъ поръ дѣлали наши предшедственники и единомышленники: какая самая лучшая система общественной жизни ? Какая самая лучшая организація собственности? Или что самое лучшее въ собственности и общественности? Что хорошаго въ теоріи Сенъ Симона или Фурье, въ системѣ Луи Блана или Кобэ? - По примѣру Канта мы ставимъ вопросъ такимъ образомъ: Какъ владѣетъ человѣкъ собственностью, какъ пріобрѣтаетъ и какъ теряетъ ее? Какой законъ ея развитія и измѣненія? Куда она стремится, чего хочетъ? Что она, наконецъ, представляетъ?.. Далѣе какъ работаетъ человѣкъ? Какъ происходитъ сравненіе продуктовъ? Какъ идетъ циркуляція въ обществѣ? При какихъ условіяхъ? По какимъ законамъ? И результатомъ

всей этой монографіи собственности явилось слѣдующее: Собс ность указываетъ на свое происхожденіе и раздѣленіе, общес ная жизнь на взаимность дѣйствій, постоянно уменьшающійся процентъ на тождество труда и капитала | | Что же може содѣйствовать разрѣшенію и выполненію всѣхъ этихъ выраженій которыя до сихъ поръ были запрятаны въ старые символы собс ности? Рабочіе должны гарантировать другъ-другу трудъ и сб и принять для этой цѣли взаимныя обязательства вмѣсто дене И тогда политическая свобода явится результатомъ взаимныхъ рантій, какъ и индустріальная свобода. Гарантируя другъ-др свободу, мы избавляемся отъ правительства, назначеніе кото состоитъ въ томъ, чтобы символически представить республика скіе девизы: свобода, равенство, братство; при этомъ на дол нашего ума выпадаетъ обязанность найти условія выполненія этихъ девизовъ. Итакъ какъ же формулировать гарантіи полити ской свободы?Въ данное время всеобщее избирательное право, свободный контрактъ... Экономическая и соціальная реформа пр помощи взаимной гарантіи кредита; политическая реформа путе соглашенія индивидуальныхъ свободъ; вотъ програма

Прибавимъ къ этому, что не трудно разсказать "біографію" этой программы.

Въ обществѣ товаропроизводителей обмѣнъ продуктовъ совершается на основаніи общественно-необходимаго для производства этихъ продуктовъ труда. Трудъ есть источникъ и мѣра мѣновой цѣнности. Это кажется самымъ "справедливымъ" для всякаго человѣка съ идеями, свойственному обществу товаропроизводителей. Къ несчастію, эта "справедливость" не вѣчна, какъ и все здѣсь на землѣ. Развитіе товарнаго производства неизбѣжно влечетъ за собою превращеніе большей части общества въ пролетаріевъ, ничего не имѣющихъ, кромѣ своей рабочеей силы, и другой части въ капиталистовъ, которые покупаютъ эту силу, единственно товаръ пролетаріевъ, и дѣлаютъ ее источникомъ своего обогащенія. Работая на капиталиста, рабочій готовитъ доходы своему эксплоататору и въ то же время свою собственную нищету, свою собственную соціальную зависимость. Сторонникъ правъ товаропроизводителей жалуются на судьбу пролетаріевъ, онъ громитъ капиталъ. Въ то же время однако громитъ онъ и революціонныя тенденціи пролетаріатовъ, которые говорятъ объ экспропріаціи эксплоата-

торовъ и коммунистической организаціи производства. Коммуни
есть несправедливость, отвратительная тиранія. Организовать
нужно не производство, а обмѣнъ, увѣряетъ онъ. Но какъ орга
зовать обмѣнъ? Очень легко; то, что ежедневно совершается
нашихъ глазахъ, можетъ указать намъ путь. Трудъ-источникъ
мѣра цѣнности товаровъ. Но развѣ цѣна товаровъ всегда опре
ляется ихъ цѣнностью? Развѣ не измѣняется постоянно цѣна в
висимости отъ рѣдкости или отъ изобилія товаровъ? Цѣнность
вара и его цѣна двѣ вещи различныя, и въ этомъ наше несчас
наше большое несчастье; мы, всѣ бѣдные и честные люди, тре
только своихъ правъ и домогаемся только того, что намъ слѣ
Чтобы рѣшить соціальный вопросъ нужно, такимъ образомъ, по
жить конецъ "произволу цѣны", аномаліи цѣнности" |собствен
выраженіе Прудона|. И потому нужно "конституировать цѣнност
т.е. содѣйствовать тому, чтобы каждый продуктъ получая за
товаръ равно столько, сколько онъ стоитъ. Тогда частная со
ственность не только перестанетъ быть "кражей", но даже бу
самымъ подходящимъ выраженіемъ справедливости. Конституиро

щённость значитъ конституировать мелкую частную собственность а когда будетъ конституирована мелкая частная собственность , тогда на землѣ вмѣсто царящей теперь несправедливости и несчастья ~~наступитъ~~ наступитъ общее счастье и справедливость. Пусть пролетаріи не возражаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ средствъ производства: благодаря гарантіи дарового кредита всѣ желающіе работать получатъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, все то, что нужно для производства.

Мелкая собственность и раздробленное производство, какъ экономическій базисъ ея - вотъ постоянная мечта Прудона. Большая современная фабрика постоянно внушала ему отвращеніе. Трудъ, какъ любовь, говоритъ онъ должень избѣгать "общества". Конечно, есть производства - Прудонъ приводитъ, какъ примѣръ, желѣзныя дороги - гдѣ ассоціація неизбѣжна. Здѣсь единичный производитель долженъ уступить мѣсто "рабочимъ обществамъ". Но исключеніе подтверждаетъ только правило. Признаваемый очень многими школами принципъ "ассоціаціи" былъ для Прудона "совершенно безплоднымъ принципомъ". Онъ не былъ "ни индустріальной силой, ни экономическимъ закономъ..." Этотъ принципъ олицет-

ворялъ собою "скорѣе управленіе и повиновеніе, два понятія
которыя исключались революціей".

Мелкая собственность должна служить основаніемъ соціальной
организаціи.

Мелкая частная собственность исчезаетъ; такова ея тен
ція. Желать не только сохранить ее, но и положить въ основ
новой соціальной организаціи есть крайній консерватизмъ. А
стремиться въ то же время положить конецъ "эксплоатаціи че
вѣка человѣкомъ", наемной системѣ значитъ въ дѣйствительно
соединить самыя радикальныя желанія съ самыми консервативн
тенденціями.

Мы не станемъ критиковать здѣсь этой мелкобуржуазной
піи. Это съ большимъ мастерствомъ уже сдѣлано Марксомъ въ
сочиненіяхъ "Нищета философіи" и "Критика нѣкоторыхъ полож
политич. экономіи". Мы только замѣтимъ слѣдующее:

Единственно, что связываетъ другъ съ другомъ товаропр
водителей на экономической почвѣ, - это обмѣнъ. Съ юридиче
точки зрѣнія обмѣнъ является взаимоотношеніемъ двухъ "воль

это взаимоотношенiе находитъ себѣ выраженiе въ "договорѣ". Правильно "конституированное" товарное производство есть по этому господство "абсолютной" индивидуальной "свободы". Обязываясь договоромъ исполнить какое-нибудь дѣло, доставить какой-нибудь товаръ, я не отказываюсь отъ своей свободы. Наоборотъ, я пользуюсь ею для того, чтобы вступать въ сношенiя со своимъ ближнимъ. Въ то же время договоръ является регуляторомъ моей свободы; исполняя обязанности, которыя я добровольно наложилъ на себя заключенiемъ договора, я уважаю права другихъ. Такимъ образомъ "абсолютная" свобода тождественна | | съ "порядкомъ".

Примѣните понятiе договора для критики "политической конституцiи", и вы имѣете "анархiю".

"Идея договора исключаетъ идею господства..... Договоръ, какъ взаимное соглашенiе, характеризуется тѣмъ, что благодаря этому соглашенiю увеличивается свобода и счастье человѣка, тогда какъ отъ установленiя авторитета они уменьшаются.... Если договоръ въ обыкновенномъ своемъ значенiи и въ ежедневной практикѣ обладаетъ такими свойствоми, то что же будетъ

представлять соціальный договоръ, который имѣетъ своимъ н
ченіемъ объединить на почвѣ одинаковыхъ интересовъ всѣхъ
націи?

"Соціальный договоръ есть самый возвышенный актъ, въ с
лу котораго каждый гражданинъ доставляетъ въ распоряженіе
общества свою любовь, свой умъ, свой трудъ, свои услуги,
продукты, свое добро взамѣнъ за преданность, идеи, труды,
продукты, услуги и добро равныхъ ему. При этомъ размѣры п
каждаго определяются постоянно цѣнностью его взноса......
Всѣ тѣ, которые принимаютъ участіе въ соціальномъ договор
должны его свободно обсудить, индивидуально одобрить и со
ственною рукой подписать... Соціальный договоръ по сущнос
тождественъ съ мѣновымъ договоромъ: онъ не только оставля
нетронутымъ его |подписавшаго договоръ| добро, но увеличи
даже его собственность, онъ ничего не предписываетъ его т
онъ касается только обмѣна... Такимъ долженъ быть соціальн
договоръ на основаніи права и всеобщей практики" |

|.

Разъ мы признали неоспоримымъ и существеннымъ принцип

что договоръ есть "единственная моральная связь, на которую могутъ соглашаться равныя и свободныя существа, но для насъ нѣтъ ничего легче, какъ написать"радикальную" критику "политическаго строя". Дѣло идетъ, напрмѣръ, о справедливости уголовнаго права. Прудонъ, конечно спроситъ: а по какому договору общество приписываетъ себѣ право наказывать преступника?

"Тамъ, гдѣ нѣтъ никаго соглашенія, предъ внѣшнимъ судилищемъ не можетъ быть ни нарушеній, ни преступленій.... Законъ есть выраженіе народнаго представительства, т.е. Я могу быть и несогласнымъ съ нимъ; соціальный контрактъ есть собственное, личное обязательство человѣка и гражданина. До тѣхъ поръ, пока я не желая этого закона, не соглашался на него, не голосовалъ за него, не подписывалъ, - онъ меня не обязываетъ онъ для меня не существуетъ. Обязывать меня закономъ, котораго я не знаю, и не смотря на мой протестъ проявлять его на мнѣ - значитъ предоставить ему силу обратнаго дѣйствія и переступать самый законъ. Ежедневно вы осуждаете людей изъ-за формальныхъ проступковъ. У васъ не бываетъ ни одного акта, который не былъ бы отмѣченъ печатью ничтожества и притомъ самаго печальнаго

ничтожества: подчиненія закону. Пуфларъ, Ласенеръ, всѣ прес ники, которыхъ вы посылаете на казнь, встаютъ изъ гробовъ жалуются на судебныя ошибки. Что вы имъ можете отвѣтить? | стр. 298-299|.

Вопросъ касается "администраціи" и полиціи, и Прудонъ поетъ туже пѣсню о договорѣ и свободномъ соглашеніи.

"Развѣ мы не можемъ управлять нашими имѣніями, регули вать наши счеты, примирить наши несогласія и выступать въ щиту вашихъ общихъ интересовъ также успѣшно, какъ мы забот о спасеніи нашей души. Зачѣмъ мнѣ съ государственнымъ зако дательствомъ, государственной полиціей , юстиціи и админис ціей имѣть больше дѣла, чѣмъ съ государственной религіей". | стр. 304|.

Что касается министерства финансовъ, то ясно, что ея щестованіе опредѣляется существованіемъ другихъ министерст Нарушьте политическую систему и вы не будите знать что дѣла съ правительствомъ, единственное назначеніе котораго состо въ томъ, чтобы создавать и распредѣлять средства для этой системы.

Это логично и "радикально" и тѣмъ болѣе радикально, что прудоновская формула, конституированная цѣнность, свободный договоръ есть "формула универсальная", которая легко можетъ быть примѣнена ко всѣмъ народамъ.

" На самомъ дѣлѣ съ политической экономіей дѣло обстоитъ точно также , какъ съ другими науками: она необходима одинакова для всей землѣ, она не зависитъ отъ воли людей и народовъ и не подчиняется желаніямъ какой-нибудь личности. Нѣтъ русской, англійской, австрійской, татарской или индѣйской политической экономіи, какъ не бываетъ нѣмецкой, венгерской или американской физики или геометріи. Истинна вездѣ одинакова: наука есть единство человѣческаго рода. Если такимъ образомъ не религія или авторитетъ, а наука будетъ сдѣлана нормой общества, высшимъ судьей надъ интересами, то, послѣ того, какъ правительственная система стала негодной, всѣ законодательства всего міра будутъ совершенно одинаковы". | [illegible] стр. 328|.

Довольно объ этомъ "Біографію" прудоновской программы мы теперь достаточно знаемъ. Въ своей "экономической части" эта программа не болѣе какъ утопія мелкаго буржуа, который убѣжденъ

что товарное производство есть "самый справедливый" спосо
производства; онъ хочетъ отбросить всѣ его плохія стороны
"отсюда его "радикализмъ"| и сохранить на вѣчныя времена е
выгодныя стороны |отсюда его "консерватизмъ"|. Въ своей по
тической части эта программа есть только приложеніе къ общ
ственнымъ вопросамъ понятія "договора", взятаго изъ област
частнаго права общества товаропроизводителей. "Конституиро
ная цѣнность" въ экономіи, "договора" въ политикѣ вотъ вся
научная истинна Прудона. Какъ бы онъ ни на падалъ на утопи
онъ самъ утопистъ отъ головы до пятокъ. Что его отличаетъ
такихъ людей, какъ Сенъ Симонъ, Фурье и Р.Овенъ, такъ это
ность и крайняя ограниченность ума и ненависть ко всякому
истинно революціонному движенію и идеѣ.

Прудонъ критиковалъ политическій строй съ точки зрѣнія
частной собственности. Онъ хотѣлъ увѣковѣчить частную собст
ность, а государство, эту опасную "фикцію" разрушить на все
Уже Гизо высказалъ мысль, что политическая конституція стра
коренится въ господствующихъ условіяхъ собственности. Для П
дона политическая конституція обязана своимъ происхожденіе

человѣческому невѣжеству" и была "придумана" за неимѣніемъ "соціальной организаціи", изобрѣтенной, наконецъ, или Прудо-номъ въ году отъ сотворенія міра такомъ то. Онъ разсуждаетъ политической исторіи человѣчества какъ утопистъ.

Между тѣмъ утопическое отрицаніе дѣйствительности отнюдь не ограждаетъ насъ отъ ея вліянія. Отрицаемой въ одной части утопическаго произведенія, она торжествуетъ въ другой и высту-паетъ къ тому же часто во всей своей наготѣ. Такъ "отрицаетъ" Прудонъ, какъ мы видѣли, государство. "Нѣтъ, нѣтъ", повторяетъ онъ до раздраженія, "я не хочу никакого государства даже въ качествѣ слуги; я отвергаю даже непосредственное правительство А между тѣмъ, о иронія дѣйствительности. Читатель знаетъ, какъ онъ Прудонъ "представляетъ" себѣ конституированіе цѣнности? Это интересная исторія.

Конституція стоимости состоитъ въ продажѣ по справедли-вой цѣнѣ, по "цѣнѣ издержки" | | Такъ понималъ Прудонъ опредѣленіе цѣнности трудомъ. Онъ никогда не могъ по-нять Рикардо. Если купецъ отказывается доставлять свои товары по цѣнѣ издержекъ, то причиной этому служитъ неувѣренность въ

томъ, что онъ продастъ столько, сколько нужно для образованія его доходовъ; кромѣ того онъ не обезпеченъ въ томъ, что получитъ за свои закупки соотвѣтствующую сумму. Ему нужны гарантіи Эти гарантіи могутъ "быть установлены различными способами". Вотъ одинъ изъ нихъ.

"Преположимъ, что временное правительство или учредительное собраніе возымѣло бы серьезное намѣреніе содѣйствовать возобновленію промышленныхъ предпріятій, снова оживить торговлю, индустрію, сельское хозяйство, остановить обезцѣненіе собственности, рабочимъ доставить работу....
Это можно было бы сдѣлать, гарантируя, напримѣръ, первымъ десяти тысячамъ предпринимателей, фабрикантовъ, мануфактуристовъ купцовъ и др. всей республики 5% дохода на капиталы, которые каждый изъ нихъ вложилъ бы въ дѣло, - въ среднемъ размѣрѣ по 100.000 франков....Ясно, что государство....."

Достаточно. "Ясно, что государство" навязываетъ себя, Прудону по крайней мѣрѣ, "въ качествѣ слуги".... И при томъ съ съ такой непреодолимой силой, что нашъ авторъ въ концѣ сдается и торжественно восклицаетъ:

"Да, я это произношу довольно громко: рабочія ассоціаціи Парижа и департаментовъ держатъ въ своихъ рукахъ спасеніе народа и будущее революціи. Они все сумѣютъ сдѣлать, если только ловко поведутъ дѣло. Новый подъемъ энергіи долженъ внести свѣтъ въ отупѣвшія головы и вовремя выборовъ въ 1852 году |Онъ писалъ это лѣтомъ 1851 г.| вставить въ порядокъ для и даже на первомъ мѣстѣ: "Конституцію цѣнности". | |

Итакъ "нѣтъ больше партій." "Никакой политики", когда вопросъ касается классовой борьбы и...."да здравствуетъ политика. да здравствуетъ выборная агитація. да здравствуетъ государственная акція.", когда дѣло идетъ объ осуществленіи плоской и тощей утопіи Прудона.

" ", говоритъ Прудонъ о себѣ, "я разрушу и построю снова". Въ этомъ много громкаго тщеславія, которое ему такъ свойственно. Съ другой стороны, это, чтобы воспользоваться выраженіемъ Фигаро, самая истинная истинна, которую онъ когда либо сказалъ въ своей жизни. Онъ "разрушаетъ" и "строитъ". Вполнѣ открывается тайна его " " въ формулѣ: "Договоръ рѣшаетъ всѣ проблемы". Тайна же его " " заключается въ силѣ соціальной и политической бур-

жуазной дѣйствительности, съ которой онъ потому такъ легко мирится, что ему не удается "урвать" у нея какую-нибудь "тайну

Прудонъ ничего и слышать не хочетъ о государствѣ. И все же тотчасъ послѣ того, какъ онъ "разрушилъ" государство, онъ его снова создаетъ даже въ теоріи, не говоря уже о практическихъ предложеніяхъ въ родѣ конституированія цѣнности, съ которыми онъ снова обращается къ непріятной "фикціи". То, что онъ отнимаетъ у "государства", онъ преподноситъ "общинамъ" и "департаментамъ". На мѣстѣ большого государства возникаютъ многія маленькія государства, вмѣсто большой "фикціи" - много маленькихъ. Въ концѣ концовъ "анархія" превращается въ федерализмъ, который среди другихъ выгодъ имѣетъ еще ту, что дѣла успѣхъ революціонныхъ движеній гораздо болѣе затруднительнымъ чѣмъ централизованное государство. См. книгу
. Этимъ кончается "всеобщая идея революціи" Прудона

Интересно, что "отцомъ" прудоновской анархіи былъ никто иной какъ Сенъ Симонъ. Сенъ Симонъ высказалъ мысль, что цѣль соціальной организаціи есть производство, и что поэтому политическая наука должна быть сведена къ экономіи, искуство "господствовать надъ людьми" должно уступить мѣсто искуству "упра-

влять вещами". Онъ сравнивалъ человѣческій родъ съ индивидуумомъ который въ дѣтствѣ повинуется своимъ родителямъ, а въ зрѣломъ возрастѣ самому себѣ. Прудонъ воспользовался этой идеей и этимъ сравненіемъ и съ помощью конституированія цѣнности построилъ анархію. Но такой геніальный человѣкъ какъ Сенъ Симонъ первый ужаснулся бы передъ тѣмъ, что мелкобуржуазный соціалистъ сдѣлалъ изъ его политической теоріи. Современный научный соціализмъ лучше сумѣлъ развить до конца теорію Сенъ Симона. Объясняя исторію происхожденія государства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ условія его исчезновенія въ будущемъ.

"Государство было оффиціальнымъ представителемъ всего общества, его выраженіемъ въ формѣ корпораціи, но оно имъ было постольку, поскольку оно было государствомъ того класса, который въ свое время самъ представлялъ собою все общество: въ древности государствомъ рабовладѣльческихъ гражданъ, въ средніе вѣка - феодальнаго дворянства, въ наше время - буржуазіи. Становясь въ дѣйствительности представителемъ всего общества, государство становится излишнимъ. Нѣтъ болѣе класса, который нужно было бы держать въ подчиненіи. Классовое господ-

ство и борьба за индивидуальное существованіе, основанная на анархіи производства исчезаютъ, и устраняются вмѣстѣ съ тѣмъ происходившія въ силу этого коллизіи и эксцессы. Некого больш угнетать, и государство, какъ особая репрессіонная сила, становиться ненужнымъ. Первый актъ, съ которымъ государство выс паетъ дѣйствительно какъ представитель всего общества - захва средствъ производства во имя общества - есть въ то же время и послѣдній, самостоятельный актъ его, какъ государства. Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія становится все болѣе и болѣе излишнимъ во всѣхъ областяхъ и сам собою прекращается. На мѣсто управленія людьми выступаетъ упра вленіе вещами и процессами производства. Государство не отмѣняется; оно умираетъ". |Фр. Энгельс, Развитіе научнаго соціализма|.

БАКУНИНЪ.

Мы видѣли, что "отцы" анархіи критиковали "политическій строй" съ утопической точки зрѣнія каждый изъ нихъ опирался на абстрактный принципъ: Штирниръ на принципъ "Я", Прудонъ на

принципъ "договора". Читатель видѣлъ далѣе, что оба "отца" были индивидуалистами чистѣйшей воды.

Вліяніе прудоновскаго индивидуализма было впродолженіе нѣкотораго времени очень сильно въ странахъ романскихъ |Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи| и славянскихъ|главнымъ образомъ въ Россіи|. Внутренняя исторія Международнаго общества рабочихъ есть исторія борьбы прудонизма и обоснованнаго Марксомъ современнаго соціализма. Не только такіе люди, какъ Толэнъ | |, Шемале | | или Мюратъ | |, но и гораздо выше ихъ стоявшіе, какъ напримѣръ, Де-Пэп, были только болѣе или менѣе скрытными болѣе или менѣе послѣдовательными "мутуалистами". Но чѣмъ болѣе развивалось рабочіе движеніе, тѣмъ все яснѣе становилось, что "мутуализмъ" ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить его теоретическимъ выраженіемъ На интернаціональныхъ конгресахъ мутуалисты логикой вещей принуждены были голосовать ~~за~~ за "коммунистическія резолюціи". Это случилось, напримѣръ, во время дискуссій по поводу вопроса о земельной собственности въ Брюсселѣ.|"...Изъ тѣхъ, которые называютъ себя мутуалистами и по своимъ экономическимъ

идеямъ въ общемъ примыкаютъ къ теоріямъ Прудона, т.е. желающихъ вмѣстѣ съ великимъ революціоннымъ писателемъ уничтоженія всѣхъ платежей, которые капиталъ взимаетъ съ труда, отмѣны налоговъ, взаимности услугъ, равнаго обмѣна продуктовъ по цѣнѣ издержекъ, свободнаго взаимнаго кредита, - многіе голосовали за переходъ земли въ коллективную собственность, - четыре французскихъ делегата Абри изъ Руана, Делакуръ изъ Парижа, Ришаръ изъ Ліона и Лемонье изъ Марселя, а изъ бельгейцевъ Г. Мэтенсъ, Веррійкенъ, Де-Пэп, Марешаль и др. Для нихъ не существуетъ никакого противорѣчія между мутуализмомъ, признающимъ обмѣнъ услугъ и продуктовъ и имѣющимъ въ своемъ основаніи заключенный въ услугахъ и продуктахъ трудъ, и коллективной собственностью на землю, которая не есть продуктъ труда и, повидимому, не подчиняется закону обмѣна, закону циркуляціи".

Отвѣтъ Бельгійцевъ Вандергутенъ, Де-Пэпъ, Делефаль, Германъ, Дельпланкъ, Руланъ, Брассеръ на появившуюся въ " " въ сентябрѣ 1868 г. статью д-ра Кул

ри. Отвѣтъ опубликованъ въ этой же газетѣ и напечатанъ, как оправдательный документъ въ "

Все болѣе и болѣе лѣвое крыло прудонистской арміи оставляло почву индивидуализмъ, чтобы укрѣпиться на почвѣ "коллективизма".

Слово "коллективизмъ" употреблялось тогда совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое она имѣетъ въ устахъ французскихъ марксистовъ, какъ Жюль Гедъ и его товарищи. Выдающимся защитникомъ коллективизма былъ тогда Михаилъ Бакунинъ.

Когда мы будемъ говорить о Бакунинѣ, мы умолчимъ о его пропагандѣ гегелевской философіи, какъ только онъ ее понималъ, и о его роли въ революціонномъ движеніи 1848 г. Умолчимъ также о его панславитскихъ сочиненіяхъ въ началѣ шестидесятыхъ годов и его брошюрѣ "Романовъ, Пугачевъ или Пестель" |Лонд.1862|, въ которой онъ обѣщалъ стать на сторону Александра II, если тотъ сдѣлается "царемъ мужиковъ". Насъ здѣсь интерисуетъ исключительно его теорія "анархистскаго коллективизма".

Въ качествѣ члена "Лиги мира и свободы" Бакунинъ сдѣлалъ на конгрессѣ этого чистаго буржуазнаго общества въ 1869 г. въ Бернѣ предложеніе высказаться за "экономическое и соціальное равенство классовъ и индивидуумовъ". Нѣкоторые делегаты, въ

томъ числѣ Щодрей, упрекнули его въ томъ, что онъ проповѣдуетъ коммунизмъ. Бакунинъ слѣдующими словами протестовалъ противъ такого обвиненія: За то, что я требую экономическаго и соціальнаго уравненія классовъ и индивидуумовъ и вмѣстѣ съ рабочимъ конгрессомъ въ Брюсселѣ объявляю себя сторонникомъ коллективной собственности, меня упрекаютъ въ томъ, что я коммунистъ. Какое различіе, спрашивали меня, дѣлаешь ты между коллективизмомъ и коммунизмомъ? Я по истиннѣ удивленъ, что этого, различія непонимаетъ г. Шодей | |, душеприказчикъ Прудона. Я отворачиваюсь отъ коммунизма, потому что онъ является отрицаніемъ свободы, а я ничего человѣческаго понять не могу безъ свободы. Я не коммунистъ, потому что коммунизмъ концентрируетъ всѣ силы въ государствѣ и даетъ ему всосать ихъ въ себя, потому что онъ по необходимости прибѣгаетъ къ централизаціи собственности въ рукахъ государства, въ то время какъ я хочу наоборотъ, отмѣны государства, - радикальнаго уничтоженія принципа авторитета и опеки государства, которое подъ предлогомъ улучшить и цивилизовать людей до сихъ поръ порабощало, угнетало, эксплоатировало и портило ихъ. Я хочу организаціи

общества и коллективной и соціальной собственности снизу вверхъ при помощи свободныхъ ассоціацій, а не сверху при посредствѣ авторитета, какой бы онъ не былъ. Требуя отмѣны государства, я хочу отмѣны индивидуальнаго унаслѣдованія собственности

, какая есть только учрежденіе государства, есть только слѣдствіе самого государственнаго принципа. Въ этомъ смыслѣ, милостивые государи, я коллективистъ и отнюдь не коммунистъ"

Какъ объясненіе принциповъ, это не слишкомъ ясно, но съ "біографической" точки зрѣнія довольно характерно.

Мы не станемъ останавливаться на нелѣпости, которая заключается въ словахъ - "экономическое и соціальное уравненіе классовъ", генеральный совѣтъ Интернаціонала уже давно воздалъ имъ должное. "Уравненіе классовъ" - писалъ онъ въ " " Бакунина по поводу его желанія вступить въ члены Интернаціонала- -"въ буквальномъ смыслѣ слова, сводится къ такъ горячо проповѣдуемой буржуазными соціалистами германіи труда и капитала. На уравненіе классовъ, логическое противорѣчіе, отсутствіе котораго невозможно, напротивъ,уничтоженіе классовъ, эта своеоб-

разная тайна пролетарскаго движенія, - вотъ что составляетъ конечную цѣль "Интернаціональнаго рабочаго общества" и пр.|.

Мы замѣтимъ только слѣдующее:

Выше цитированныя положенія показываютъ, что Бакунинъ:

I. Отвергаетъ государство и коммунизмъ во имя "полнѣйшей свободы всѣхъ".

2. Отвѣргаетъ "индивидуальное унаслѣдованіе собственности" во имя экономическаго равенства;

3. Эту собственность считаетъ "учрежденіемъ государства", слѣдствіемъ самого государственнаго принципа;

4. Ничего не имѣетъ противъ индивидуальной собственности, если она не наслѣдственна, ничего противъ наслѣдственнаго пр[...]ва, если оно не индивидуально.

Другими словами:

I. Бакунинъ вполнѣ согласенъ съ Прудономъ, покуда рѣчь идетъ объ "отрицаніи" государства и коммунизма;

2. Къ этому отрицанію онъ прибавляетъ еще другое: отрицан[...] индивидуальнаго унаслѣдованія собственности;

3. Его программа есть только сумма, полученная путемъ сл[...]

женія двухъ абстрактныхъ принциповъ - "равенства" и "свободы", эти два принципа вмѣстѣ и отдѣльно онъ примѣняетъ для критики существующаго порядка вещей; онъ не спрашиваетъ себя, могутъ ли быть согласованы результаты одного отрицанія съ результатами другого отрицанія.

4. Онъ также мало какъ и Прудонъ, понимеетъ происхожденіе собственности и причинную связь между его развитіемъ политическихъ формъ;

5. Онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что обозначаетъ выраженіе "индивидуальное унаслѣдованіе" |которое онъ употреблялъ также и въ другихъ случаяхъ|.

Если Прудонъ былъ утопистомъ, то Бакунинъ и былъ вдвойнѣ, потому что его программа есть только "утопія свободы", связанная съ "утопіей равенства". Въ то время какъ Прудонъ оставался вѣрнымъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени своему принципу договора, Бакунинъ, поставленный между свободой и равенствомъ, уже съ самаго начала своихъ доказательствъ принужденъ былъ жертвовать первой въ пользу второй и второй въ пользу первой. Если Прудонъ безупречный прудонистъ, то Бакунинъ

фальсифицированный прудонистъ съ примѣсью „ненавистнаго" ком-
мунизма и даже „марксизма".

На самомъ дѣлѣ Бакунинъ не имѣлъ той непоколебимой вѣры въ геній „учителя" Прудона, какая, повидимому, была у Толена. По его словамъ „Прудонъ, несмотрѣ на всѣ старанія стать ногами на реальную почву, остался идеалистомъ и метафизикомъ. Его исходной точкой служитъ абстрактная идея права; онъ исходитъ изъ права, чтобы придти къ экономическимъ фактамъ, тогда какъ Марксъ, наоборотъ установилъ и доказалъ ту истину, какая была доказана всей прошлой и современной исторіей человѣческихъ обществъ, народовъ и государствъ, что экономическія явленія предшедствуютъ правовымъ и политическимъ. Открытіе и доказательство этой истины составляетъ величайшую заслугу Маркса". |„Государственность и анархія", 1873|. Въ другомъ своемъ сочи-
неніи Бакунинъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говоритъ, что „всѣ ре-
лигіи и моральныя системы, господствующія въ обществѣ, суть всегда идеальное выраженіе его реальной, матеріальной сущност
т.е. его экономической организаціи а затѣмъ также и политическ
организаціи; эта послѣдняя впрочемъ есть только юридическое и

насильственное крещеніе первой". И Бакунинъ снова приписываетъ Марксу заслугу открытія и доказательства этой истинны, | „Поли
Мазини
тическая теологія и Интернаціоналъ",1871, Невшатель, Стр.69 и 78|. Съ удивленіемъ спрашиваешь себя, какъ этотъ самый Бакунинъ снова могъ утверждать, что частная собственность есть только слѣдствіе принципа авторитета. Разрѣшеніе этой загадки заключается въ томъ, что онъ совершенно не понялъ матеріалистическаго взгляда на   а только „софистицированъ" имъ.

Вотъ несомнѣнное доказательство. Въ своемъ цитированномъ уже русскомъ произведеніи, „Государственность и анархія" онъ увѣрялъ что въ положеніи русскаго народа имѣются два элемента, которые составляютъ необходимыя для соціальной - онъ хочетъ сказать „соціалистической" - революціи. „Русскій народъ можетъ похвастать своей крайней нуждой и неслыханнымъ рабствомъ. Его страданія неисчислимы, и онъ ихъ переноситъ не съ терпѣливой покорностью, а съ глубокимъ и страшнымъ отчаяніемъ, которое уже дважды дало знать о себѣ въ нашей исторіи въ двухъ странныхъ взглядахъ: въ возстаніяхъ Разина и Пугачева". Вотъ что Бакунинъ понимаетъ подъ „матеріальными условіями соціалистической рево-

люціи". Нужно ли прибавлять, что этотъ „марксизмъ" слишкомъ своебразенъ |

Въ своемъ спорѣ противъ Мазини съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи Бакунинъ слишкомъ далекъ отъ пониманія дѣйствительнаго значенія этого взгляда. Въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ опровергаетъ теологію Мазини, онъ, какъ истый прудонистъ, какимъ онъ и есть, говоритъ объ „абсолютной" человѣческой морали. И эту мораль, мораль „солидарности", онъ обосновываетъ слѣдующими соображеніями:

„Всякое реальное бытіе существуетъ на основаніи присущаго ему принципа, который опредѣляется его особенной природой. Этотъ принципъ не предписанъ ему какимъ-нибудь божественнымъ законодателемъ |въ этомъ и матеріализмъ нашего автора Г.П.|, а является только результатомъ продолжительнаго постояннаго дѣйствія всѣхъ естественныхъ причинъ и вліяній. Онъ не заключенъ, какъ душа, въ своемъ тѣлѣ, какъ то воображаютъ идеалисты, а представляетъ собою въ дѣйствительности необходимую и постоянную форму своего реальнаго существованія.

„Человѣческій родъ, какъ и всѣ другія народы, имѣетъ при

сущіе ему принципы, которые ему своейственны въ большей степени, и всѣ эти принципы, вмѣстѣ взятые сводятся къ одному принципу, который мы называемъ „солидарностью". Ни одинъ человѣческій индивидуумъ не можетъ ни познать свои собственныя человѣческія права, ни осуществить въ силу этого въ своей жизни, если онъ ихъ не познаетъ въ другихъ и не содѣйствуетъ ихъ осуществленію для другихъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ эмансипировать себя, не эмансипируя вмѣстѣ съ собою другихъ людей, его окружающихъ. Моя свобода - свобода всѣхъ, потому что я тогда только свободенъ - свободенъ не въ идеѣ только, а въ дѣйствительности - когда моя свобода и мое право находятъ свое подтвержденіе, свою санкцію въ свободѣ и правѣ всѣхъ людей, мнѣ подобныхъ".

Какъ моральное предписаніе, солидарность, какъ ее объясняетъ Бакунинъ, дѣло хорошее. Но возводить эту далеко, между прочимъ, не „абсолютную" мораль въ принципъ, который „присущъ" человѣчеству и характеризуетъ человѣческую „природу" - значитъ играть словами и совершенно не понимать что значитъ матеріализмъ. Человѣчество существуетъ „только на основаніи" принципа

солидарности.... Это слишкомъ смѣлое утвержденіе. Классовая борьба, ужасное „государство" и „индивидуальное унаслѣдованіе" собственности - все это проявленія „солидарности", которая присуща человѣчеству и характеризуетъ его собственную природу и т. д.? Если да то все обстоитъ благополучно, и Бакунинъ напрасно тратилъ свое время на мечтанія о „соціальной" революціи если нѣтъ, то это доказываетъ, что человѣчество могло существовать „на основаніи совершенно другихъ принциповъ а не солидарности, и что этотъ послѣдній принципъ совсѣмъ не „присущъ" ему. На самомъ дѣлѣ Бакунинъ выставилъ свой „абсолютный" принципъ только для того, чтобы сдѣлать заключеніе, что „ни одинъ народъ не можетъ быть вполнѣ солидаренъ, въ человѣческомъ смыслѣ этого слова, и свободенъ, если это не будетъ простираться на все человѣчество". Это совпадаетъ съ тактикой современнаго пролетаріата и вѣрно въ томъ смыслѣ, что эмансипація рабочихъ, какъ это выражено въ статутахъ интернаціональнаго рабочаго союза, не есть только мѣстная или національная задача, но, напротивъ, эта задача интересуетъ всѣ цивилизованныя націи, и рѣшеніе ея необходимымъ образомъ

зависитъ отъ ихъ совмѣстной теоретической и практической работы. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать эту истину, если только положить въ основаніи доказательствъ данное экономическое положеніе цивилизованнаго человѣчества. Но менѣе всего убѣдительно въ данномъ случаѣ, какъ и всегда „доказательство", которое опирается на утопическое пониманіе „человѣческой природы". „Солидарность" Бакунина доказываетъ только, что онъ, не смотря на свое знакомство съ исторической теоріей Маркса, остался неисправимымъ утопистомъ.

Мы раньше сказали, что „программа" Бакунина въ своихъ главныхъ чертахъ произошла отъ сложенія двухъ абстрактныхъ принциповъ - свободы и равенства. Мы видимъ теперь, что полученная сумма можетъ легко быть увеличена отъ прибавленія третьяго принципа - „солидарности". Программа извѣстной ____________ „ " прибавила къ нимъ еще нѣсколько. Напримѣръ:

„ высказывается за атеизмъ; она хочетъ отмѣны культовъ, введенія науки вмѣсто вѣры, человѣческой справедливости на мѣсто божеской справедливости".

Въ прокламаціяхъ, которыя бакунисты расклеивали въ Ліонѣ

во время попытки возстанія въ концѣ сентября 1870 г. мы читае

"Государство погибло и не сумѣетъ больше вмѣшиваться въ дѣла расплаты съ частными долгами".

Это безспорно логично, но было бы трудно вывести не упла ту частныхъ долговъ изъ присущихъ человѣческой природѣ принци повъ.

При склеиваніи различныхъ своихъ абстрактныхъ принциповъ Бакунинъ не спрашиваетъ себя да |благодаря абсолютному харак- теру своей работы| и не имѣетъ нужды спрашивать себя, не може ли одинъ изъ его принциповъ ограничивать, хотя бы въ незначи- тельной степени, "абсолютную" силу другихъ или въ свою очеред быть ограниченнымъ ими. Тѣмъ не менѣе ему "абсолютно" невозмо но соглосовать выводы своей программы, такъ здѣсь слова оказы ваются недостаточными и приходится поэтому замѣнить ихъ болѣе точными понятіями. Онъ хочетъ" отмѣны культовъ. Но, послѣ то какъ "государство погибло", кто же станетъ ихъ отмѣнять? Онъ "хочетъ" отмѣны наслѣдственной частной собственности. Но что же дѣлать, если она остается, хотя "государство и погибло"? Бакунинъ самъ чувствуетъ, что дѣло не совсѣмъ ясно но онъ ск

ро находитъ утѣшеніе.

Въ написанной во время прусско-французской войны брошюрѣ "Письмо къ французу о современномъ кризисѣ" онъ доказываетъ, "Франція можетъ быть спасена только великимъ революціоннымъ движеніемъ, и дѣлаетъ заключеніе, что нужно возбуждать крестьян къ захвату земель, принадлежащихъ дворянству и буржуазіи. Но французскіе крестьяне до сихъ поръ стояли за "наслѣдственную собственность" |Подчеркнуто самимъ Бакунинымъ|. Развѣ это учрежденіе не было бы еще подкрѣплено новой соціальной революцей?

"Ни въ коемъ случаѣ", отвѣчаетъ Бакунинъ. "Коль скоро государство отмѣнено, то имъ |т.е.крестьянамъ| будетъ недоставать торжественнаго юридическаго утвержденія собственности, санкціи государства. Собственность не будетъ больше правомъ, она сведется къ положенію простого факта". |Подчеркнуто Бакунинымъ|.

Вотъ такъ дѣйствительно успокоилъ. Если "государство погибло", то первый встрѣчный негодяй, который окажется сильнѣе меня, захватитъ въ свои руки мою землю, не имѣя даже нужды прикрываться принципомъ "солидарности", - принципомъ "свободы"

съ него будетъ предостаточно. Недурное „уравненіе индивудуумов" не правда ли?

„Конечно", признаетъ Бакунинъ, „конечно, абсолютно мирно дѣло не обойдется въ началѣ; будетъ борьба, общественный порядокъ, эта святая архе |власть|, буржуазіи будетъ нарушена, и первыя столкновенія при такомъ положенія дѣла поведутъ къ тому, что принято называть гражданской войной. Но развѣ вамъ пріятнѣе передать Францію въ руки прусскоовъ?... Впрочемъ, не отпасайтесь, что крестьяне поѣдятъ другъ-друга; даже если бы они въ началѣ и попытались это дѣлать, то немного пройдетъ, пока они убѣдятся въ матеріальной невозможности идти далѣе такимъ путемъ. Можно быть увѣреннымъ, что они попытаются сговорится другъ съ другомъ, примириться организоваться. Потребность ѣсть и кормить свою семью и въ силу этого необходимость защищать свои дома свою семью и свою собственную жизнь отъ нападеній, все это заставитъ каждаго изъ нихъ вступить на путь взаимныхъ соглашеній съ другими. Точно также мало основаній думать, что при этихъ сдѣлкахъ, совершенно безъ всепубличной опеки, самые богатые и сильные будутъ пользоваться преимущественными

вліяніямъ только въ силу идей. Богатство богатыхъ необезпеченное никакими юридическими учрежденіями, потеряетъ свою силу...

"Что касается самыхъ ловкихъ и сильныхъ, то они сдѣлаются безвредными благодаря коллективной силѣ массы мелкаго крестьянства; точно также и деревенскіе пролетаріи, которые теперь представляютъ собой молчаливо страдающую массу, пріобрѣтутъ въ революціонномъ движеніи непреодолимую силу. Я не утверждаю - обратите на это вниманіе, что земледѣльчискіе округа, которые такимъ образомъ цѣликомъ реорганизуются, вдругъ создадутъ идеальную организацію, во всѣхъ пунктахъ отвѣчающую нашими мечтамъ. Но я убѣжденъ, что эта организація будетъ жизненной организаціей и, какъ таковая, въ тысячу разъ лучше теперь существующей. Впрочемъ такъ эта новая организація всегда будетъ открыта для пропаганды изъ города, не будетъ закрѣплятся и каменѣть, такъ сказать, отъ юридической санкціи государства, то она будетъ идти впередъ, неопредѣленно развиваться и улучшаться всегда жизненная и свободная, не стѣсняемая декретами и законами. При такихъ условіяхъ достигнетъ того состоянія, который мы теперь считаемъсамымъ разумнымъ."

"Идеалистъ" Прудонъ былъ убѣжденъ, что политическая конституція была придумана за неимѣніемъ соціальной организаціи, "интимной для человѣчества". Онъ далъ себѣ трудъ "открыть" послѣднюю, и, послѣ того, какъ это было имъ сдѣлано, онъ не дѣлъ никакого оправданія существованію политической организаціи. "Матеріалистъ" Бакунинъ не имѣетъ собственной "соціальн организаціи". "Самая глубокая и раціональная", говоритъ онъ, "не можетъ отгадать формы будущей соціальной жизни". "Государственность и анархія", прибавленіе А, стр. I. Впрочемъ, "наука Бакунина" сумѣла отгадать для Россіи формы будущей соціальной жизни: это будетъ "община", которая разовьется изъ современн земледѣльческой общины. – Бакунисты болѣе всѣхъ распространяли въ Россіи пристрастное отношеніе къ удивительнымъ свойства русской земледѣльческой общины. Для науки достаточно отличать жизненныя соціальныя формы отъ тѣхъ, которыя обязаны сво происхожденіемъ "мертвящему" дѣйствію государства, и осуждать эти послѣднія. Развѣ это не то же самое старое прудоновское сопоставленіе "интимной для человѣчества" соціальной организаціи и исключительно въ интересахъ "порядка" придуманнаго

политической конституціи"? Развѣ все различіе ведется къ тому, что "матеріалистъ" передѣлалъ утопическую программу "идеалиста" въ еще болѣе утопическую, еще болѣе туманную и абсурдную?

Думать, что міръ своимъ дивнымъ порядкомъ обязанъ случаю значитъ представить себѣ, что однимъ только подбрасываніемъ достаточнаго числа типографическихъ буквъ мы случайно можемъ составить |слово| "Иліада" - такъ разсуждали 18 столѣтія въ своихъ спорахъ съ атеистами. Послѣдніе отвѣчали, что въ такомъ случаѣ все есть дѣло времени, и что, подбрасывая буквы безконечное число разъ, мы должны достигнуть момента, когда буквы будутъ расположены въ нужномъ порядкѣ. Такіе споры были во вкусѣ того столѣтія, и было бы несправедливо теперь смѣятся надъ ними. Но, повидимому, Бакунинъ серьезно отнесся къ аргументу атеистовъ добраго стараго времени и пользуется имъ, чтобы ковать себѣ "программу". Разрушайте все существующее, если вы это достаточно будете дѣлать, вамъ удастся, наконецъ, составить соціальную организацію, которая будетъ, по крайней мѣрѣ, приближаться къ той, о которой вы "мечтаете". Все пойдетъ хорошо, если у насъ будетъ "постоянная революція".

Развѣ это недостаточно „матеріалистично"? Если вы думаете, что нѣтъ, то вы метафизикъ, „мечтающій" о невозможнымъ.

Прудоновское сопоставленіе „соціальной организаціи" и „политической конституціи" въ полномъ и совершенномъ видѣ сно„оживаетъ" во всемъ томъ, что Бакунинъ безпрестанно повторяет о „соціальной революціи" съ одной стороны и о „политической революціи" съ другой. По Прудону до сихъ поръ по какому то не счастному случаю никогда не существовала соціальная организація, и за неимѣніемъ ея человѣчество должно было „придумать" политическую конституцію. По Бакунину до сихъ поръ никогда не было соціальной революціи, такъ человѣчество за неимѣніемъ хорошей „соціальной" программы принуждено было довольствоваться политическими революціями. А послѣ того какъ программа составлена, намъ нѣтъ необходимости заниматься „политикой", съ нас довольно будетъ работы въ „соціальной" революціи.

Такъ какъ всякая классовая борьба необходимымъ образомъ есть и политическая борьба, то ясно, что всякая достойная этого имени „политическая" революція есть соціальная революція;

ясно также, что для пролетаріата политическая борьба столь же необходима, какъ необходима она была для всякаго класса, который стремился къ своему освобожденію. Бакунинъ торжественно отказывается отъ всякаго политическаго акта со стороны пролетаріата; онъ проповѣдуетъ исключительно „соціальную" борьбу. Что это за соціальная борьба?

Здѣсь нашего прудониста опять софистицируетъ „марксизмъ". Онъ очень часто опирается на статуты Интернаціональной рабочей ассоціаціи. Среди доводовъ этихъ статутовъ говорится, что подчиненіе рабочаго капиталу является причиной всякаго политическаго, моральнаго и матеріальнаго рабства, и что по этому экомическая эмансипація рабочихъ есть та великая конечная цѣль, которой должна быть подчинена всякая политическая борьба, какъ средство. Бакунинъ отсюда дѣлаетъ заключеніе, что

> „всякое политическое движеніе есть буржуазное движеніе, и, какъ таковое, должно будетъ отвергнуто Интернаціоналомъ, если оно не ставитъ своей непосредственной и прямой задачей полное и окончательное экономическое освобожденіе рабочихъ, если оно въ томъ или иномъ видѣ, но впол-

нѣ ясно не написано на своемъ знамени принципа экономическаго равенства, или, что то же, полнаго возвращенія труду капитала, или полной соціальной ликвидаціи"

Но тотъ же Бакунинъ уже слышалъ, что историческое движеніе человѣчества есть закомѣрный процессъ, и что не въ каждой любой моментъ можно импровизовать революцію. Онъ жаже принужденъ спросить себя, какой политики долженъ держаться интернаціонал въ теченіи этого болѣе или менѣе продолжительнаго періода, отдѣляющаго насъ отъ той страшной соціальной революціи, которую уже всякій предчувствуетъ. И онъ, цитируя всегда "статуты Интернаціонала", съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣчаетъ на это:

"Безъ всякаго сожалѣнія должна быть отвергнута демократическихъ буржуа или буржуазныхъ соціалистовъ. Объявля что политическая свобода есть предварительное условіе экономическаго освобожденія, они этими словами могутъ думать только слѣдующее: политическія реформы или политическая революція должны предшедствовать экономическимъ реформамъ или экономической революціи, рабочіе поэтому должны соединиться съ болѣе или менѣе радикальными буржуа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ сначала

провести первыя, а затѣмъ одни и противъ нихъ осуществить послѣднія. Мы громко протестуемъ пртивъ этой жалкой теоріи. Она для рабочихъ можетъ свестись къ тому, чтобы еще разъ сдѣлать изъ себя оружіе противъ самихъ себя и снова предоставить себя на эксплоатацію буржуа".

Интернаціоналъ требуетъ" | | отказа отъ "всякой національной или мѣстной политики"; онъ долженъ придать "экономическій" характеръ "по существу" рабочей агитаціи во всѣхъ странахъ, выставляя, какъ цѣль, "сокращеніе часовъ работы и повышеніе заработный платы" и, какъ средство "объединеніе рабочихъ массъ и основаніе кассъ для борьбы". Нечего прибавлять уже, что сокращеніе рабочихъ часовъ должно произойти безъ всякаго вмѣшательства со стороны ненавистнаго "государства".

|См. ст. Бакунина:

Бакунинъ не понимаетъ, что рабочій классъ можетъ совершенно отдѣлиться въ своей политической борьбѣ отъ всѣхъ эксплоататорскихъ партій. По его мнѣнію, для рабочаго класса въ политическомъ движеніи не можетъ быть другой роли, кромѣ роли щитоносца радикальной буржуазіи. Онъ проповѣдуетъ "по существу эко

номическую" тактику старыхъ англійскихъ , и онъ даже не подозрѣваетъ что какъ разъ эта тактика привела англійскихъ рабочихъ къ тому, чтобы плыть на буксирѣ у либира ной партіи.

Бакунинъ не хочетъ, чтобы рабочій классъ примкнулъ къ движенію, которое имѣетъ свою цѣлью завѣдываніе и расширеніе политической свободы. Осуждая это движеніе, какъ буржуазное, онъ воображаетъ себя самымъ ярымъ "революціонеромъ". На самом же дѣлѣ онъ проявляется здѣсь какъ разъ "по существу" консер- вативнымъ, и, если бы рабочій классъ когда либо пошелъ по эт му направленію, то правительства могли бы только поздравить себя съ этимъ. Посылаемыя Бакунинымъ по адрессу политической свободы проклятія имѣли впродолженіи извѣстнаго времени очен печальное вліяніе на революціонное движеніе въ Россіи.

Истинные соціалисты нашего времени совсѣмъ иначе понима соціалистическую тактику. Они "подерживаютъ всякое революціо ное движеніе противъ существующаго общественнаго и политичес го строя", однако это не мѣшаетъ имъ даже какъ разъ маоборот организавать пролетаріатъ въ партію, которая отдѣляется отъ

всѣхъ эксплоататорскихъ партій и выступаетъ противникомъ всей реакціонной массы". |Коммунист. Маниф",Отд. |

Прудонъ, который, какъ мы знаемъ, не питалъ излишнихъ симпатій къ "политикѣ", все увѣщевалъ французскихъ рабочихъ голосовать за тѣхъ кандитатовъ, которые пообѣщаютъ "конституировать цѣнность". Бакунинъ же ни за что ничего не хочетъ знать о политикѣ. Рабочій не можетъ пользоваться политической свободой: "ему для этого не достаетъ досуга и матеріальныхъ средствъ" Эта свобода есть только буржуазная ложь. Люди говорящіе о рабочихъ кандидатахъ, смѣются надъ пролетаріатомъ.

"Рабочіе депутаты, помѣщенные въ буржуазныя условія существованія и въ атмосферу чисто буржуазныхъ политическихъ идей, перестаютъ быть настоящими рабочими и становятся государственными людьми, они становятся буржуа и можетъ быть въ большей степени, чѣмъ сами буржуа. Ибо люди не создаютъ отношеній, они только продуктъ этихъ отношеній"| 28,авг.,1869 г.|

Этотъ послѣдній думаетъ и есть почти все то, что Бакунинъ усвоилъ изъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Безспорно вѣрно, что человѣкъ есть продуктъ своей соціальной среды.Но чтобы воспользоваться этой неоспоримой истинной, нужно оста-

вить старый метафизическій способъ мышленія, который разсматр
ваетъ вещи отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Не смотря
на свое кокетничаніе съ гегелевской философіей, Бакунинъ оста
ся на всю жизнь метафизикомъ, какъ и его учитель Прудонъ. Онъ
не понималъ, что среда, которая создаетъ человѣка, можетъ изм
ниться, коль скоро она измѣняетъ свой продуктъ - человѣка.
Среда которую онъ имѣетъ въ виду, когда онъ говоритъ о полити
ческой дѣятельности пролетаріата , есть парламентская буржуаз
ная среда. Эта среда должна необходимымъ образомъ развратить
рабочихъ депутатовъ. Но неужели избирательная среда, среди ра
бочей партіи, сознательно идущей къ своей цѣли и хорошо орган
зованной, не въ состояніи оказать вліяніе на избранныхъ проле
таріатомъ? Нѣтъ. Находясь подъ экономическимъ гнетомъ, рабочі
классъ въ политическомъ отношеніи всегда будетъ рабомъ и на
этомъ полѣ всегда будетъ слабѣйшимъ. Чтобы освободить его,
нужно начать съ экономическаго развитія. Бакунинъ не замѣчает
что съ такой аргументаціей немедленно приходитъ къ заключені
что побѣда пролетаріата абсолютно невозможна, если собственни
ки средствъ производства добровольно не откажутся отъ своихъ
правъ въ его пользу. Въ дѣйствительности подчиненіе рабочаго

капиталу есть источникъ не только политическаго, но и моральнаго гнета. Какимъ же образомъ послѣ этого можно поднять мораль но угнетенныхъ рабочихъ противъ буржуазіи?

Для того чтобы сдѣлать рабочіе движеніе возможнымъ, нужно, сначала сдѣлать экономическую революцію. Но экономическая революція возможна только, какъ дѣло самихъ рабочихъ. Мы находимся такимъ образомъ въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго современный соціализмъ очень легко выходитъ , но въ которомъ Бакунинъ и бакунисты напрасно вращались и вращаются, не имѣя никакой другой возможности выйти изъ круга, какъ только путемъ логическаго

Развращающее вліяніе парламенской среды на рабочихъ депутатовъ остается до послѣдняго времени самымъ любимымъ аргументомъ анархистовъ въ ихъ критикѣ политической дѣятельности соціалистической демократіи. Мы видѣли, какую цѣнность это имѣетъ съ теоритической точки зрѣнія. Достаточно, хотя немного знать исторію нѣмецкой соціалистической партіи, чтобы убѣдиться, что практическая жизнь совершенно опровергаетъ анархистскія опасенія.

Отрицая всякую „политику", Бакунинъ долженъ былъ принять

тактику старыхъ англійскихъ |Даже больше их
уйти назадъ. Самые реакціонные англійскіе цехи не отказывал
во имя опредѣленныхъ цѣлей для рабочаго класса или его инд
ріи пользоваться законодательной машиной, гдѣ это только во
можно было.|

Но онъ самъ чувствовалъ, что эта тактика мало революці
на, и старался выйти изъ затрудненія при помощи своей "тайнаго интернаціональнаго общества, организованнаго на прин
пѣ самаго дикаго и грубо-фантастическаго централизма. Подчине
ные диктаторской власти сувереннаго первосвященника анархіи "интернаціональные" и "національные" братья должны были подд
живать и управлять "по всей своей сущности экономическимъ" революціоннымъ движеніемъ. Въ то жк время Бакунинъ проповѣды
валъ "бунты", мѣстныя возмущенія рабочихъ и крестьянъ. Не см
ря на то, что эти возмущенія неизбѣжно должны быть подавлены
они всетаки будутъ имѣть, какъ онъ утверждаетъ, хорошее влія
ніе на развитіе революціоннаго духа среди угнетенныхъ массъ.
Само собою разумѣется, что съ такой "программой" рабочаго дв
женія онъ могъ бы причинить много вреда. Но ему не удалось
подвинуться хотя бы на одинъ шагъ впередъ къ осуществленію

"непосредственной" экономической революціи, о которой онъ мечталъ.

Мы ниже увидимъ,къ чему должна была привести Бакунистская теорія "бунтовъ". Теперь мы изложимъ все, что мы сказали о Бакунинѣ, и онъ самъ намъ въ этомъ поможетъ:

"На всегерманскомъ знамени |т.е. не знамени нѣмецкой соціалдемократіи и затѣмъ также на знамени соціалдемократіи всего цивилизованнаго міра Г.П.| написано: сохраненіе и укрѣпленіе государства во чтобы то нистало . На революціонно-соціалистическомъ |читай бакунистском Г.П.| знамени напротивъ,кровавыми, огненными буквами написано: Отмѣна всякаго государства уничтоженіе буржуазной цивилизаціи, свободная организація снизу до верха при помощи свободныхъ ассоціацій - организація рабочей черни | |, организація всего эмансипированнаго человѣчества, созданіе новаго человѣческаго міра".

Этими словами Бакунинъ заканчиваетъ свое главное произведеніе: "Государственность и анархія". Мы представляемъ читателю оцѣнить по достоинству фетерическія красоты этихъ излiяній Мы съ своей стороны заявляемъ только, что въ нихъ нѣтъ абсолютно никакого смысла.

Вздоръ, чистѣйшій вздоръ написанъ на бакунистскомъ знам
ни и не нужно вовсе огненныхъ и кровавыхъ буквъ, чтобы убѣди
въ этомъ всѣхъ тѣхъ, которые еще не загипнотизированы были б
лѣе или менѣе трескучей, но совершенно безсмысленной фразіол
гіей.

Анархизмъ Штирнера и Прудона былъ вполнѣ индивидуалисти
ческимъ. Бакунинъ не "хотѣлъ" никакого индивидуализма, или,
лучше говоря, онъ "хотѣлъ" только одной стороны индивидуализ
ма. Онъ изобрѣлъ поэтому анархистскій коллективизмъ. Но это
изобрѣтеніе ему очень мало стоило. Утопію свободы онъ допол-
нилъ утопіей равенства. Такъ какъ эти обѣ утопіи не хотѣли
жить мирно и громко кричали, когда ихъ склеивали, то онъ бро
силъ обѣ вмѣстѣ въ доменную печь "безпрерывной революціи", г
онѣ должны были замолкнуть - изъ очень простого основанія, т
обѣ онѣ совершенно испарились.

Бакунинъ - декадентъ утопизма.

ЭПИГОНЫ.

Изъ анархистовъ нашего времени одни придерживаются инди

видуализма, какъ Дж. Генри Мэкэй | |, авторъ книги: "Анархисты, культурныя картины конца   вѣка", въ то время какъ другіе, гороздо болѣе многочисленные, называли себя "коммунистами". Они составляютъ потомство Бакунина въ анархизмѣ. Они создали довольно обширную литературу на различныхъ языкахъ и надѣлали столько шума своей "пропагандой дѣйствіемъ".

Душой этой школы является русскій эмигрантъ П.О. Крапоткинъ.

Мы не станемъ останавливаться на изслѣдованіи доктрины анархистовъ индивидуалистовъ нашего времени. Даже ихъ собратья анархисты - "коммунисты" относятся къ нимъ, какъ къ буржуа. |Немногіе индивидуалисты, которыхъ можно еще встрѣтить, сильны только въ критикѣ государства и закона. Что касается ихъ идеала будущаго строя, то одни впадаютъ въ идилію, которой сами они никогда не проводили бы въ жизни, въ то время какъ другіе, как издатели Бостонской "свободы", совершенно теряются въ современной буржуазной системѣ. Чтобы защитить свой индивидуализмъ, они возставляютъ государство со всеми его атрибутами |законами полиціей и пр.|, послѣ того какъ они такъ смѣло его отрицали.

Третьи, наконецъ, какъ останавливаются на " лигѣ для зашиты помѣщичьей земельной собственности" " ", № 38,1893 г Статья объ анархіи|.

Мы прямо перейдемъ къ анархистамъ-коммунистамъ.

"Что касается метода анархистскихъ мыслителей, то онъ соверше но отличается отъ метода утопистовъ", увѣряетъ насъ Крапоткин

"Анархистскій мыслитель не прибѣгаетъ къ метафизическимъ концепціямъ |какъ "естественныя права", "обязанности государства" и т.п.|, чтобы опредѣлить самыя лучшія условія достиженія наибольшаго благоденствія для человѣчества. Напротивъ, он идетъ по пути, указываемому современною философіей развитія.. Онъ изучаетъ человѣческое общество, каково оно теперь и каков оно было въ прошломъ. Не приписывая ни всему человѣчеству въ цѣломъ, ни отдѣльными индивидуумам болѣе высокихъ свойствъ, чѣмъ тѣ которыя они въ дѣйствительности имѣютъ, онъ разсматриваетъ общество, какъ свокупность | | организмов и пытается пріискать наилучшій способъ для объединенія потреб ностей индивидуума и коопераціи въ интересахъ благосостоянія всего рода. Онъ изучаетъ общество и пытается найти его прошед

шія и современныя тенденціи, его необходимыя интеллектуальныя и экономическія потребности и указываетъ только тотъ путь, по которому идетъ развитіе". |П.Крапоткинъ "Анархистскій коммунизмъ, его основанія и принципы", на англ. яз. Лондонъ, 1887 г.

Судя по этимъ словамъ, коммунистическіе анархисты ничего общаго съ утопистами не имѣютъ. Они слишкомъ далеки отъ того, чтобы при выработкѣ своего "идеала" опираться на метафизическія понятія, какъ естественныя права, обязанности государства и т.п. Вѣрно ли это?

Что касается "обязанностей государства", то Крапоткинъ вполнѣ правъ: было бы слишкомъ смѣшно, еслибы анархисты требовали уничтоженія государства и въ то же время аппеллировали бы къ его "обязанностямъ". Но относительно "естественныхъ правъ" онъ очень ошибается. Нѣсколько цитатъ будетъ достаточно, чтобы доказать это.

Уже въ "Бюллетенѣ Юраской Федераціи" |№ 3, 1877| мы находимъ слѣдующее замѣчательное заявленіе: "Верховная власть въ рукахъ народа |народовластіе| можетъ существовать только при полной автономіи индивидуумовъ и группъ". Развѣ это полная автономія не "метафизичиское понятіе"?

„Бюллетень Юраской Федераціи" былъ органомъ коллективи-стическаго анархизма. На самомъ дѣлѣ между анархистическимъ коллективизмомъ и анархистическимъ коммунизмомъ не существуе никакой разницы. Но, чтобы не утверждали, что мы на коммунис возлагаемъ отвѣтственность за коллективистовъ, мы посмотримъ на „коммунистическія" публикаціи.

Осенью 1862 года передъ версальскимъ судомъ присяжныхъ предстало нѣсколько „товарищей", об нявшихся въ кражѣ динамита, и среди нихъ одинъ подъ именемъ Этьеван. Этотъ послѣдній изложилъ свои анархистско-коммунист ческіе принципы. Но судъ лишилъ его слова, и анархистская оф ціальная газета „ " взяла на себя трудъ опубли ковать изложеніе этихъ взглядовъ и съ большимъ трудомъ доста ла точную копію съ оригинала. Изложенные Этьеваномъ принципы произвели большую сенсацію въ анархистскомъ мірѣ и даже люди „образованные", какъ Октавъ Мирабо, цитировали ихъ съ больши уваженіемъ на ряду съ произведеніями „теоретиковъ"; въ каче-ствѣ таковыхъ выступаютъ Бакунинъ, Крапоткинъ, „несравненный Прудонъ", и „аристократическій Спенсеръ" Вотъ ходъ аргумен тацій Этьевана.

Нѣтъ врожденныхъ идей; всякая идея есть результатъ безконечно разнообразныхъ впечатленій, воспринятыхъ нашими органами. Каждый поступокъ индивидуума есть результатъ одной или многихъ идей. Человѣкъ поэтому не отвѣтственъ. Человѣкъ долженъ былъ бы быть отвѣтственнымъ за свои поступки если бы воля опредѣляла наши воспріятія, воспріятія опредѣляли бы идеи, а эти въ свою очередь наши поступки. Но такъ какъ напротивъ наши воспріятія опредѣляютъ нашу волю, то выборъ невозможенъ, всякое вознагражденіе и наказаніе несправедливо, какъ бы ни были велики принесенный вредъ или польза.

"Нельзя судить ни о людяхъ, ни объ ихъ поступкахъ, не имѣя для этого достаточнаго критерія. А такого критерія нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ этого критерія нельзя найти въ законахъ, такъ истинная справедливость неизмѣнна, а законы измѣняются. Съ законами дѣло обстоитъ также, какъ со всѣми другими вещами. - Если законы хороши, то зачѣмъ нужны депутаты и сенаторы, которые ихъ измѣняютъ, если же они не хороши, то зачѣмъ существуютъ судьи, которые ихъ примѣняютъ?"

Послѣ того какъ Этьеванъ "истолковалъ" такимъ образомъ "свободу", онъ переходитъ къ "равенству".

Начиная отъ животныхъ-растенiй до человѣка, всѣ существ имѣютъ болѣе или менѣе совершенные органы, которые предназн чены для того, чтобы служить имъ. Всѣ существа такимъ образо по очевидной волѣ матери природы имѣютъ право пользоваться э ми оргамами.

"Такъ, на основанiи того, что мы имѣемъ ноги, мы имѣемъ право на всякое пространство, которое мы можемъ пройти; наши легкiя даютъ намъ право на воздухъ, которымъ мы можемъ дышат нашъ мозгъ даетъ намъ право на все, что мы мыслимъ и что мы можемъ усвоить изъ мыслей другихъ; наша способность рѣчи - н все, что мы можемъ сказать; наши уши - на все, что мы можемъ слышать, и на все это мы имѣемъ право потому, что имѣемъ пра на жизнь, а это все и составляетъ жизнь. Это истинныя права ч ловѣка. Нѣтъ необходимости устанавливать ихъ при помощи декре товъ, они существуютъ точно также, какъ солнце существуетъ. Они не записаны ни въ какой конституцiи, ни въ какомъ законѣ, но они записаны нестираемыми буквами въ великой книгѣ природы и сохраняютъ свою силу навсегда. Отъ червяка до слона, отъ былинки до дуба, отъ атома до звѣзды все свидѣтельствуетъ объ этомъ."

Если это не "метафизическія идеи" самаго плохого свойства и не жестокая каррикатура на метафизическій матеріализмъ восьмнадцатаго столѣтія, если это есть "философія развитія", то нужно признать, что она ничего общаго съ научнымъ движеніемъ нашего времени не имѣетъ.

Послушаемъ теперь другой авторитетъ. Предъ нами извѣстная книга Жана Грава: "Умирающее общество и анархія" | |, которую французская юстиція признала опасной и осудила; на самомъ же дѣлѣ книга эта только очень смѣшна.

"Анархія есть отрицаніе авторитета. Авторитетъ оправдываетъ свое существованіе необходимостью защащать соціальныя учрежденія, семью, религію, собственность и т.п. Онъ создалъ много судей, чтобы обезпечить ихъ правильное фуакціонированіе. Изъ нихъ главныя: законъ судъ, армія, законодательная и исполнительная власть и т.п. Принужденная отвѣтить на все это, анархистская идея должна была разобраться во всѣхъ соціальныхъ предразсудкахъ, вникнуть въ глубину всѣхъ человѣческихъ знаній чтобы доказать, что ея понятія согласуются съ физіологической и психологической природой человѣка и вполнѣ соотвѣтствуютъ

наблюденіямъ надъ законами природы, въ то время какъ соврем
ная организація противорѣчитъ всякой логикѣ и разуму....Отр
цая авторитетъ, анархисты должны были отрицать всѣ учрежден
защитникомъ которыхъ выступило насиліе, стараясь доказать и
необходимость, чтобы оправдать свое собственное существован

Ясно, каково было „развитіе" „анархистской идеи". Эта и
отрицала авторитетъ. Чтобы защитить себя, авторитетъ ссылал
на семью, религію, собственность. Тогда „идея" сочла для се
необходимымъ критиковать эти учрежденія, которыхъ она раньше
повидимому, и не замѣчала. Чтобы придать въ тоже время бол
вѣса своимъ понятіямъ, „идея" проникла въ глубину всѣхъ чел
вѣческихъ знаній. |Нѣтъ худа безъ добра|. Все это только дѣл
случая, результатъ неожиданнаго оборота обстоятельствъ, кото
рый вызвалъ споръ между „идеей" и авторитетомъ.

Намъ кажется, что анархистская идея совсѣмъ не коммуни-
стическая, какъ бы она ни была богата человѣческими знаніями
Она хранитъ свои знанія про себя и оставляетъ своихъ бѣдныхъ
„товарищей" въ полномъ невѣдѣніи. Сколько бы Крапоткинъ ни
пѣлъ славы „анархистскому мыслителю", ему никогда не удастся
доказать, что его другъ Гравъ сумѣлъ хотя немного подняться
надъ жалкой метафизикой.

Пусть Крапоткинъ еще разъ прочтетъ брошюры Элизе Реклю - этого "великаго теоретика" - и, положа руку на сердце, пусть скажетъ, есть ли въ нихъ что-нибудь, кромѣ призывовъ къ справедливости, свободѣ и другимъ "метафизическимъ понятіямъ".

Наконецъ, и самъ Крапоткинъ далеко не освободился отъ "метафизики, какъ онъ это думаетъ. Вотъ, напр., то, что онъ сказалъ 12 октября 1879 г. на генеральномъ собраніи Юраской Федераціи въ Ля-Шо-де-Фон :

"Было время, когда за анархистами не признавали даже права на существованіе. Генеральный совѣтъ Интернаціонала смотрѣлъ на насъ, какъ на бунтовщиковъ пресса, какъ на мечтателей, почти весь міръ какъ на дураковъ. Это время прошло. Анархистская партія доказала свою жизненность; она освободилась отъ всѣхъ препятствій, которыя задерживали ея развитіе: теперь она признана |Кѣмъ? Г.П.| Для этой цѣли партіи прежде всего необходимо было вести борьбу на теоретической почвѣ, ясно формулировать идеалъ будущаго общества, доказать, что этотъ идеалъ самый лучшій, - еще болѣе, нужно было доказать, что этотъ идеалъ не есть продуктъ кабинетныхъ мечтаній, а является непосредственнымъ выраженіемъ народныхъ стремленій и вполнѣ отвѣчаетъ историческому

прогрессу культуры и идей. Эта работа окончена и. т. д.....

Развѣ такъ гоняться за лучшимъ идеаломъ будущаго общества не значитъ поступать по писанному, какъ настоящій утопистъ? Однако Крапоткинъ старается доказать, что этотъ идеалъ не продуктъ кабинетныхъ мечтаній, что служитъ выраженіемъ народныхъ стремленій и отвѣчаетъ историческому прогрессу культуры и идей. Но какой же утопистъ не дѣлалъ такихъ же попытокъ? Все зависитъ отъ достоинства этихъ доказательствъ, и въ этомъ отношеніи нашъ любезный землякъ далеко не такъ силенъ, какъ великіе утописты, которыхъ онъ называетъ метафизиками, не имѣя никакого понятія о методѣ современной соціальной науки.

Но прежде чѣмъ оцѣнить по достоиству эти доказательства, мы познакомимся съ самимъ идеаломъ. Какъ представляетъ себѣ Кропоткинъ анархистское общество?

Занятые исключительно реорганизаціей правительственной машины, рюволюціонные политики- "якобинцы" |Крапоткинъ ненавидитъ якобинцевъ больше нашей достопочтенной императрицы Екатерины II| давали народу умирать съ голоду. Анархисты иначе поступятъ. Они уничтожатъ государство и поднимутъ народъ, что экспрфпріировать богатыхъ. Когда экспропріація будетъ окончена

будетъ составленъ инвентарь общаго богатства, и будетъ организовано распредѣленіе.

"Все будетъ сдѣлано самимъ народомъ. Развяжите только народу руки, и въ теченіе недѣли заготовленіе средствъ существованія начнется съ замѣчательною правильностью. Въ этомъ можетъ сомнѣваться только человѣкъ, который не видѣлъ народа за работой и всю свою жизнь провелъ за книгой. Поговорите объ организаціонномъ талантѣ великаго непризнаннаго народа съ тѣми, которые видѣли его на баррикадахъ въ Парижѣ |Кропоткинъ его какъ разъ не видѣлъ Г.П.| или недавно въ Лондонѣ во время громадной стачки, когда приходилось кормить полъ милліона голодныхъ рабочихъ, и они вамъ скажутъ, насколько онъ выше стоитъ бюрократическихъ домосѣдовъ". |

Общее пользованіе средствами существованія будетъ организовано на очень справедливыхъ началахъ и совсѣмъ не въ духѣ якобинцевъ.

"Существуетъ только одно, единственное начало, которое отвѣчаетъ чувству справедливости, и дѣйствительно практичное... Неограниченное пользованіе всѣмъ тѣмъ, что имѣется въ избыткѣ, и раціональное распредѣленіе того, что должно быть отмѣрено

и раздѣлено. Изъ 350 милліоновъ людей, которые населяютъ Европу, 200 милліоновъ еще руководятся этимъ вполнѣ естественнымъ способомъ".

Это между прочимъ доказываетъ, что анархистской идеалъ является выраженіемъ народныхъ стремленій". То же самое будетъ и съ жилищами и одеждой. Народъ все организуетъ на тѣхъ же началахъ.

"Будетъ переворотъ, это несомнѣнно. Но въ этомъ переворотѣ не должно все погибнуть; потери должны быть сведены къ минимуму. И благодаря тому, что придется обращаться къ людямъ, заинтересованнымъ въ этомъ, а не въ бюро, все это будетъ достигнуто при наименьшей суммѣ непріятностей для всѣхъ".

При такомъ порядкѣ у насъ съ первыхъ же дней революціи окажется организація; желанія "индивидуумовъ" будутъ ограничены потребностями общества, логикой обстоятельствъ. И всетаки у насъ будетъ полная анархія, индивидуальная свобода будетъ спасена и невредима. Это кажется невѣроятнымъ, но это всетаки вѣрно: будетъ анархія и въ то же время и организація, будутъ обязательныя правила для каждаго и, несмотря на это, всякій будетъ поступать такъ, какъ ему захочется. Вы этого не понимае-

те? Дѣло очень просто. Эта организація не будетъ дѣломъ „авторитетныхъ" революціонеровъ; всѣ эти обязательныя и въ то же время анархистическія предписанія будутъ объявлены народомъ, великимъ непризнаннымъ народомъ, а народъ очень уменъ. Тотъ, кто видѣлъ баррикады, которыхъ Крапоткинъ никогда не имѣлъ случай видѣть, можетъ разсказать объ этомъ. |Между прочимъ, такъ Крапоткинъ во время грамадной стачки докеровъ былъ въ Англіи и имѣлъ случай видѣть, какимъ способомъ создавались средства существованія для стачечниковъ, то мы позволимъ себѣ замѣтить что это происходило далеко не такъ, какъ можно было подумать послѣ вышеприведенныхъ утвержденій. Организованный комитетъ, состоявшій изъ представителей цеховъ и подерживаемый государственными соціалистами |Чемпіонъ - |и соціалдемократами |Дж.Бернс - , Т.Манн, Эл.Маркс-Эвелинг|, заключилъ контракты съ торговцами съѣстныхъ припасовъ и раздавалъ стачечникамъ марки, на которыя они и забирали съѣстные припасы. Поставщикамъ было уплачено собранными деньгами. Этимъ сборамъ не мало помогла буржуазная публика, побуждаемая къ этому буржуазными газетами. Непосредственная раздача съѣстныхъ припасовъ стачечникамъ и всѣмъ, лишившимся заработка во время

стачки, производилась армiей спасенiя, чисто централистически и бюрократически организованной корпорацiей, и другими филантропическими обществами. Все это слишкомъ мало общаго имѣетъ съ вопросомъ производства и распредѣленiя средствъ существованiя въ день послѣ революцiи".

Средства существованiя были готовыя, дѣло шло только объ ихъ закупкѣ и распредѣленiи ихъ, а "народъ", т.е. стачечники очень мало сами для себя сдѣлали, но ему помогли.

Не вѣрно, между прочимъ, также и то, что якобинцы занимались только политикой и давали умирать народу съ голоду. Законы о "максимумѣ" и организацiя продажи съѣстныхъ припасовъ въ магазинахъ доказываютъ, что они пытались урегулировать вопросъ о съѣстныхъ припасахъ въ интересахъ народа. Большiе голодные бунты появились только послѣ паденiя якобинцевъ. Переводчик

Но если великiй непризнанный народъ сдѣлаетъ глупость и призоветъ къ жизни столь ненавистное для Крапоткина "бюро"? Если онъ, какъ это было въ мартѣ 1871 года, выберетъ себѣ революцiонное "правительство"? Тогда мы скажемъ, что онъ ошибался, мы попытаемся вывести его на истинный путь и въ случаѣ необходимости станемъ бросать бомбы въ его руководителей

|. Мы будемъ призывать народъ къ организаціи и разрушимъ всѣ существующія учрежденія.

Такъ осуществляютъ великолѣпный анархистскій идеалъ - въ воображеніи. Во имя свободы индивидуумовъ всѣ дѣйствія индивидуумовъ и всей революціонной партіи уступаютъ мѣсто дѣйствіям „*народа*", *индивидуумовъ* топятъ въ *массѣ*.

Какъ только мы привыкнемъ къ такому логическому процессу, мы уже не встрѣчаемъ никакихъ затрудненій и смѣло можемъ утверждать, что освободились отъ „авторитета" и „утопіи". Чего легче, чего пріятнѣе?

Но чтобы потреблять, нужно производить, Крапоткинъ это прекрасно знаетъ и по этому поводу даетъ „признающему авторитетъ" Марксу дѣльный урокъ.

„Зло современной организаціи заключается въ томъ, что прибавочная цѣнность при производствѣ достается на долю капиталистовъ - какъ говорили Марксъ и Родбертусъ, которые такимъ образомъ связывали соціалистическое міровоззрѣніе съ ученіемъ о господствѣ капитала. Прибавочная цѣнность сама есть слѣдствіе болѣе глубокихъ причинъ. Зло заключается въ томъ, что вообще существуетъ „прибавочная цѣнность", вмѣсто того чтобы излишекъ

былъ потребленъ каждымъ поколѣніемъ. Вслѣдствіе того, что существуетъ прибавочная цѣнность, мужчины, женщины и дѣти должны изъ боязни передъ голодомъ продавать свою рабочую силу за минимальную часть того, что эта сила производитъ, или еще более, что она, могла бы произвести. |Бѣдный Марксъ, - онъ такъ и не зналъ ничего объ этихъ глугобихъ истинахъ, которыя были выработаны ученымъ князвемъ, правда нѣсколько сбивчево.Г.П.|.

Въ дѣйствительности недостаточно реализованную въ промышленности прибыль раздѣлить на равныя части, если въ это время приходится эксплоатировать тысячи другихъ рабочихъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы при возможно меньшей тратѣ человѣческой силы произвести вожможно большую сумму продуктовъ,необходимыхъ для блага всѣхъ. |Подчеркнуто сам.Крапоткинымъ|

О, мы невѣжественные марксисты. Мы никогда не слыхали, что соціалистическое общество предполагаетъ планомѣриую организацію общественнаго процесса производства. Такъ какъ эту истину открываетъ намъ Крапоткинъ, то самое разумное обратиться къ нему, чтобы узнать, какой видъ будетъ имѣть эта организація. И здѣсь онъ не упускаетъ случая, чтобы разсказать намъ интересныя вещи.

Представимъ себѣ общество, состоящее изъ нѣсколькихъ миллiоновъ человѣкъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и различныхъ производствахъ, наприм. Парижъ съ департаментомъ . Пусть всѣ дѣти этого общества учатся работать руками и головой. Предположимъ далѣе, что за исключенiемъ занятыхъ воспитанiемъ дѣтей женщинъ, всѣ взрослые, начиная съ двадцати или двадцатидвухълѣтняго до сорокалѣтняго или пятидесятилѣтняго возраста, обязываются работать ежедневно впродолженiи пяти часовъ, и что они по своему желанiю выбираютъ себѣ занятiе въ какой-нибудь отрасли производства, признанной полезной.

Такое общество могло бы съ своей стороны обезпечить своимъ членамъ прiятную жизнь, т.е. гороздо болѣе дѣйствительное благосостоянiе, чѣмъ то, которымъ пользуется теперь буржуазiя. И каждый рабочiй этого общества могъ бы имѣть по крайней мѣрѣ пять часовъ въ своемъ распоряженiи, что употребить ихъ на науки, искуство и удовлетворенiе другихъ индивидуальныхъ потребностей, которыя не подходятъ подъ категорiю необходимыхъ потребностей. Затѣмъ, когда производительность человѣка увеличится,

къ этой категоріи будетъ причислено все то, что теперь еще считается роскршью или даже совсѣмъ недоступнымъ".|

Въ анархистскомъ обществѣ не будетъ мѣста авторитетамъ, будетъ существовать только договоръ |Вы опять здѣсь, господин Прудонъ, какъ Вамъ везетъ.|, на основаніи котораго неограниче но свободные индивидуумы "обязуются" работать въ той или въ другой коммунѣ. Договоръ обозначаетъ собою справедливость, сво боду и равенство, это - Прудонъ Крапоткинъ и всѣ святые. Однако въ то же время, съ этимъ договоромъ нельзя себѣ позволять никакихъ шутокъ. Онъ вовсе не такъ беззащитенъ, какъ это кажется. На самомъ дѣлѣ, если кто нибудь изъ свободно договорившихся не исполнитъ своихъ обязанностей, то его ждетъ изгна ніе изъ коммуны, опасность, возможность умереть съ голоду - - переспектива далеко не такая пріятная.

Представимъ себѣ группу изъ опредѣленнаго числа свободны людей, объединившихся для какого нибудь препріятія. Всѣ усерд но работаютъ, за исключеніемъ одного члена, который часто не является на свой постъ. Будетъ ли изъ-за него распущена групп

или выбранъ призидентъ, чтобы подвергнуть его наказанію? Ясно, что ни того, ни другого не будетъ сдѣлано, но въ одинъ прекрасный день ему скажутъ: "Мой другъ мы очень охотно работали бы съ тобою вмѣстѣ, но такъ ты часто не являешься на свой постъ или такъ ты очень небрежно относишься къ своей работѣ, то мы должны тебя выжить. Ищи себѣ другихъ товарищей, такихъ же небрежныхъ, какъ ты." Это въ сущности очень сильно сказано, но нужно обратить вниманіе на то, какъ сохранились еще здѣсь прежнія черты, на сколько выступаетъ еще здѣсь анархистъ...на словахъ. Въ самомъ дѣлѣ мы нисколько не будемъ удивлены, если въ анархистско-коммунистическомъ обществѣ найдутся люди, которые пойдутъ на гильотину только потому, что ихъ уговорятъ, или, по крайней мѣрѣ, въ силу свободно заключеннаго контракта.

Что еще важнѣе - это то, что это столь анархистское средство наставлять на путь истинны лѣнивыхъ "свободныхъ индивидуумовъ" вполнѣ "естественно" и теперь практикуется вездѣ во всѣхъ индустріяхъ на ряду со возможными системами штрафовъ, вычетами изъ платы, надзоромъ и т.п; рабочій можетъ въ назначенное время прйти въ мастерскую, но если онъ плохо исполняетъ свою работу, если онъ свою небрежностью или другими недостатками

мѣшаетъ своимъ товарищамъ, если онъ заводитъ ссоры, то его заставляютъ оставить мастерскую." |

| Не трудно видѣть, что анархистскій идеалъ" вполнѣ согласуется съ "танденціями"... капиталистическаго общества.

Впрочемъ такія крайнія мѣры будутъ очень рѣдки. Освобожденные отъ ига государства и капиталистической эксплоатаціи, индивидуумы по своей доброй волѣ будутъ удовлетворять потребности всего общества. Все будетъ совершаться при посредствѣ "свободнаго соглашенія".

"Пусть другіе проповѣдуютъ промышленную казарму и монастырь авторитетнаго коммунизма, мы заявляемъ, что тенденція общества идетъ по противоположному направленію. На нашихъ глазахъ свободно объединяются милліоны группъ для удовлетворенія различныхъ потребностей человѣческихъ. Однѣ организуются по кварталамъ, улицамъ, домамъ, другія простираются за предѣлы отечества, чрезъ океаны. Всѣ онѣ составлены изъ людей, которые свободно находятъ другъ друга. Окончивъ свою работу, какъ производители, они объединяются въ потребительныя общества или съ цѣлью заготовленія предметовъ роскоши, или же для того,

чтобы производить новые пути въ наукѣ. Такова тенденція XIX вѣка, и мы не отступаемъ отъ нея. Мы только требуемъ, чтобы правительства не мѣшали ея свободному развитію. Свобода индивидууму.

"Положите въ коробку булыжники - сказалъ Фурье и встряхните ихъ, они сами собою примутъ форму мозаики. И вы никогда не получили бы такой мозаики, если бы стали раскладывать ихъ въ гармоничный рядъ".

Какой-то острякъ сказалъ, что вѣроисповѣданіе анархистовъ сводится къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ фантастическаго закона:

I. Не будетъ.

2. Никому не поручается привести въ исполненіе предыдущее положеніе. Это не вѣрно. Анархисты говорятъ:

I. Все будетъ.

2 Никому не поручается заботиться о томъ, что будетъ, какъ бы оно не было.

Это соблазнительный идеалъ". Къ несчастью, его осуществленіе очень мало вѣроятно.

Что представляетъ сбою это „свободное соглашеніе", которое по мнѣнію Крапоткина существуетъ и въ капиталистическомъ обществ Для подтвержденія своей мысли онъ приводитъ два примѣра: а) первый взятъ изъ области производства и обращенія товаровъ, в) второй относится ко всякаго рода любительскимъ кружкамъ, ка общества ученыхъ, филантроповъ и .п.

Всѣ большія предпріятія, Суецкій каналъ, Крапоткинъ говоритъ о „Суецкомъ" каналѣ, - почему не о Панамскомъ? трансатлантическое судоходство, телеграфъ, соединяющій обѣ Америки, эта организація торговли, которая даетъ Вамъ увѣренность въ томъ, что вы найдете хлѣбъ у пекаря...мясо у мясника и все, что Вамъ нужно въ магазинахъ - развѣ это дѣло рукъ государств Конечно, мы платимъ очень дорого перекупщикамъ; значитъ больш основанія ихъ уничтожить, но нѣтъ основанія полагать, что нуж но поручить правительству заботу о жилищѣ и одеждѣ для насъ.

Удивительная исторія. Сначала мы бранили Маркса, который только и думалъ о томъ, чтобы уничтожить „прибавочную стоимость", и не имѣя никакого понятія объ организаціи производства, а теперь мы требуемъ уничтоженія прибыли „перекупщиков"

тогда какъ въ вопросѣ о производствѣ проповѣдуемъ буржуазное

Марксъ не безъ основанія могъ бы сказать по этому поводу: "смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній".

Мы всѣ знаемъ, что представляетъ собою "свободное соглашеніе" предпринимателей, и можемъ только удивляться абсолютной наивности человѣка, который въ немъ видитъ предвѣстника коммунизма. Именно это анархистское "соглашеніе" и нужно уничтожить, чтобы производители перестали быть рабами своихъ продуктовъ.

Что же касается свободныхъ обществъ ученыхъ, художниковъ, филантроповъ и др., то Крапоткинъ самъ знаетъ, какое значеніе имъ можно придать. Они "состоятъ изъ людей, которые свободно группируются, послѣ того какъ они окончили свою работу, какъ производители". Хотя это и не совсѣмъ вѣрно - въ этихъ обществахъ часто не бываетъ ни одного производителя - но все же это доказываетъ, что можно быть свободнымъ только тогда, когда уложены счеты съ производствомъ. Эта преусловатая "тенденція XIX вѣка" нисколько не разъясняетъ намъ вопроса, по поводу котораго она приводится, а именно, какъ примѣрить неограниченную

свободу индивидуума съ экономическими потребностями коммунистическаго общества. И такъ какъ эта "тенденція" составляетъ весь научный аппаратъ нашего "анархистскаго мыслителя", то намъ остается сдѣлать заключеніе, что его призывъ къ наукѣ былъ одной только фразой, что не смотря на его презрѣніе къ утопистамъ, онъ одинъ изъ наименѣе остроумныхъ утопистовъ, обыкновенный искатель "лучшаго идеала".

"Свободное соглашеніе" дѣлаетъ чудеса если не въ анархистскомъ обществѣ, къ несчастью еще не существующемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ анархистской организаціи.

"Послѣ отмѣны современнаго общества для индивидуумовъ не будетъ никакой необходимости собирать сокровища къ слѣдующему дню - это впрочемъ вслѣдствіе уничтоженія денегъ сдѣлается невозможнымъ. Удовлетвореніе потребностей въ новомъ обществѣ будетъ обезпечено. Побудительнымъ мотивомъ для индивидуумовъ будетъ служить только идеалъ - стремленія къ лучшему. Отношенія между индивидуумами не будутъ болѣе основаны на обмѣнѣ, при которомъ одна сторона старается только обойти другую | это "свободное соглашеніе" буржуа, о которомъ говоритъ Крапоткинъ. |. Въ силу всего этого всѣ отношенія сведутся только къ взаимнымъ

услугамъ, ничего общаго съ личнымъ интересомъ не имѣющими, соглашенiе будетъ достигаться легко, причины раздоровъ исчезнутъ".

Вопросъ: Какъ новое общество будетъ удовлетворять потребности своихъ членовъ? Какимъ образомъ оно обезпечитъ имъ существованiе на слѣдующiй день?

Отвѣтъ: При посредствѣ свободнаго соглашенiя.

Вопросъ: Возможно ли будетъ производство, если оно будетъ опираться только на свободное соглашенiе индивидуумовъ?

Отвѣтъ: Вполнѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только ПРЕДПОЛОЖИТЬ, что слѣдующiй день обезпеченъ, что всѣ потребности удовлетворены, и, однимъ словомъ, производство идетъ, какъ нельзя лучше.

Какъ логично разсуждаютъ товарищи, и какъ прекрасенъ идеалъ, который имѣетъ въ своемъ основанiи такое нелогичное предположенiе. Вѣдь единственнымъ основанiемъ для "идеала" анархистскихъ коммунистовъ служитъ это это предположенiе того, что еще нужно доказать. Глубокiй мыслитель Гравъ особенно богатъ предположенiями. Какъ только являет

ся затрудненіе, онъ „предполагаетъ", что оно уже разрѣшено, и тогда все идетъ наилучшимъ образомъ въ этомъ лучшемъ изъ идеаловъ.

„Глубокій" Гравъ не такъ предусмотрителенъ, какъ „ученый" Крапоткинъ. Только Крапоткину удается довести этотъ „идеалъ" до абсолютной безсмыслицы. Онъ спрашиваетъ, что можно будетъ сдѣлать, если въ „нореволюціонномъ обществѣ" найдется папаша который откажется дать своему ребенку какое-либо образованіе. Папаша - индивидуумъ съ неограниченными правами. Онъ слѣдуетъ анархистскому правилу: „поступай какъ хочешь", и никто поэтом не имѣетъ права дѣлать ему указанія. Съ другой стороны и ребенокъ имѣетъ право дѣлать, что ему угодно, и онъ хочетъ учитьс Какъ выйти изъ этого затрудненія и какъ разрѣшить этотъ конфликтъ, не нарушая священныхъ законовъ анархіи? - Простымъ „пр положеніемъ".

„Отношенія |между гражданами| будутъ болѣе близкими, чѣмъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на   интересовъ. Поэтому ребенокъ видя и слыша все то, что совершается на его глазахъ, уйдетъ изъ подъ вліянія своихъ родителей и

найдетъ необходимую помощь для пріобрѣтенія знаній, въ которых ему отказываютъ его родители. Если же ребенокъ не желая переносить гнета своихъ родителей, оставитъ ихъ и будетъ искать защиты у другихъ лицъ, которымъ онъ больше симпатизируетъ, то родители не смогутъ послать за нимъ жандармовъ, которые вернули бы имъ ихъ раба, какъ это на законномъ основаніи дѣлается теперь".

Здѣсь не ребенокъ уходитъ отъ своихъ родителей, а утопистъ всѣми силами старается обойти непреодолимыя логическія препятствія. И не смотря на это товарищи находили этотъ соломоновскій приговоръ такимъ глубокомысленнымъ, что Эмиль Дарно цитируетъ его буквально въ своей книгѣ "Будущее общество" | | , написанное со спеціальною цѣлью популяризовать научныя безсмыслицы Грава.

Анархія, эта неправительственная система соціализма, имѣетъ двоякое происхожденіе. Это продуктъ двухъ великихъ движеній въ экономической и политической облостяхъ, характеризующихъ наше столѣтіе и въ особенности его вторую половину. Вмѣстѣ со всѣми соціалистами анархисты утверждаютъ, что частная собственность на землю, капиталъ и машины должна исчезнуть, всѣ

средства производства должны перейти въ собственность всего общества, а управленіе всѣмъ этимъ должно перейти въ руки про[изводителей] водителей общественнаго богатства. Анархисты вполнѣ согласны также съ передовыми представителями политическаго радикализма въ томъ, что политическая организація общества тогда достигнетъ идеала, когда функціи правительства будутъ сведены къ минимуму а индивидуумъ получитъ полную свободу инициативы и дѣйствія.

При посредствѣ свободно организованныхъ свободныхъ груп[пъ] и союзовъ можно будетъ удовлетворить всѣ безконечно разнообра[з]ныя человѣческія потребности.

"Изъ соціалистическаго ученія большинство анархистовъ признаетъ ея послѣднее положеніе, т.е. отрицаніе системы найма и коммунизмъ. А въ вопросѣ о политической организаціи они дальше развиваютъ выше упомянутую часть радикальной программы и приходятъ къ заключенію, что послѣдняя цѣль общества состои[тъ] въ сведеніи функцій правительства къ нулю, въ созданіи общест[ва] безъ правительства, т.е. въ анархіи".

"Анархисты утверждаютъ далѣе, что не слѣдуетъ откладыват[ь] выполненія этого идеала до будущихъ столѣтій, - всякія измѣне

нія въ нашей соціальной жизни, которыя согласуются съ вышеупомянутымъ двойнымъ идеаломъ и приближаюися къ нему, будутъ жезненны и плодотворны для нашего общественнаго бытія".

Крапоткинъ раскрываетъ намъ здѣсь въ удивительно ясной формѣ происхожденіе и природу своего "идеала". Этотъ идеалъ подобно идеалу Бакунина дѣйствительно "двойственнаго" характера. На самомъ дѣлѣ онъ произошелъ отъ проникновенія буржуазнаго радикализма или скорѣе манчестерства въ коммунизмъ какъ Іисусъ произошелъ отъ проникновенія духа всятого въ дѣву Марію. Двѣ природы анархистическаго идеала также трудно примирить, какъ и двѣ природы сына божьяго. Но одна природа въ концѣ концовъ поглощаетъ другую. Анархисты "хотятъ" начать съ непосредственнаго осуществленія того, что Крапоткинъ называетъ "конечной цѣлью общества" | |, т. е. съ уничтоженія государства. Ихъ исходной точкой является все та же неограниченная свобода индивидуума. Манчестерство на первомъ планѣ, - затѣмъ уже выступаетъ на коммунизмъ. И чтобы успокоить насъ по поводу вѣроятной судьбы этой второй природы своего идеала, анархисты начинаютъ пѣть славу мудрости добротѣ и предусмотрительности человѣка "будущаго". Онъ будетъ

такъ совершененъ, что безъ сомнѣнія пойметъ , какъ организо-вать коммунистическое производство. Онъ будетъ такъ совершененъ, что вызываетъ даже удивленіе, и невольно спрашиваешь себя, почему бы хотя немного не повѣрить его - "авторитету".

ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ АНАРХИСТСКАЯ ТАКТИКА. ЕЯ МОРАЛЬ.

Анархисты - утописты. Ихъ точка зрѣнія ничего общаго съ современнымъ научнымъ соціализмомъ не имѣетъ.

Но утописты бываютъ разные. Великіе утописты начала нашего столѣтія двигали впередъ соціальную науку, которая въ ихъ время еще стояла на совершенно утопической точкѣ зрѣнія. Утописты нашего времени, анархисты, - составители квинтэссенціи | |, которые только и умѣютъ дѣлать жалкіе выводы изъ запутанныхъ принциповъ. Имъ нѣтъ никакого дѣла до соціальной науки, которая обогнала ихъ, по крайней мѣрѣ, на полстолѣтія. Ихъ "глубокимъ мыслителямъ", ихъ ученымъ "теоретикамъ" никогда не удавалось связать воедино оба конца ихъ системы доказательствъ. Это утописты упадка, страдающіе неизлѣчимымъ умственнымъ малокровіемъ. Великіе утописты сдѣлали очень много для развитія рабочаго движенія. Утописты наше

времени только тормозятъ это движенiе. И наибольшiй вредъ терпитъ пролетарiатъ отъ ихъ такъ называемой тактики.

Мы уже знаемъ, что Бакунинъ истолковалъ статуты Интернацiонала въ томъ смыслѣ, что рабочiй классъ долженъ отказаться отъ всякой политической дѣятельности и сконцентрировать свои силы на почвѣ "непосредственной экономической" борьбѣ за повышенiе заработной платы и сокращенiе рабочаго времени и т.д. Бакунинъ самъ чувствовалъ, что такая тактика мало революцiонна. Онъ пытался дополнить ее дѣятельностью своей и проповѣдывалъ "бунтъ". Но чѣмъ болѣе развивается самосознанiе пролетарiата, тѣмъ болѣе онъ склоняется на сторону политической борьбы и оставляетъ бунтарскую тактику, такъ часто проявлявшуюся въ перiодъ его дѣтства. Поднять бунтъ среди западноевропiйскихъ рабочихъ, достигшихъ уже извѣстной ступени политическаго развитiя, гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, среди легковѣрныхъ и нѣвежественныхъ русскихъ крестьянъ. Такъ какъ пролетарiатъ не чувствовалъ никакой склонности къ бунтарству то анархисты принуждены были замѣнить его "индивидуальной дѣятельностью". Особенно послѣ неудачной попытки поднять возстанѣ въ Бонвентѣ, въ Италiи въ 1877 году, анархисты начинаютъ прос-

лавлять пропаганду дѣйствіемъ. Но если мы бросимъ взглядъ на промежутокъ времени, который отдѣляетъ насъ отъ попытки возстанія въ Бенвентѣ, то мы увидѣмъ, что эта пропаганда приняла очень спеціальное направленіе: очень мало бунтовъ, и притомъ очень незначительныхъ, и много единоличныхъ покушеній противъ общественныхъ зданій, противъ лицъ и даже противъ - "индивидуально унаслѣдованной" собственности. Да иначе и быть не могло.

"Мы уже видѣли многочисленныя возстанія народныхъ массъ, требовавшихъ неотложныхъ реформъ сказала Луиза Мишель корреспонденту газеты " " который ей интервьюировалъ по поводу покушенія Вальяна. "Къ чему же это привело? Въ народъ стали стрѣлять. Теперь же мы находимъ, что достаточно крови пролилъ. Пусть лучше единичныя личности жертвуютъ собой и дѣлаютъ покушенія на свой страхъ съ цѣлью терроризовать правительство и буржуазію".

Это точь въ точь то же самое, что мы раньше сказали. Луиза Мишель забыла только прибавить, что бунты, которые влекли за собою кровопусканіе для народныхъ массъ, до тѣхъ поръ занимали первое мѣсто въ программѣ анархистовъ, пока они не

убѣдились - не въ томъ, что эти частыя возстанія никакой пользы рабочимъ не приносятъ, а въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе объ этихъ бунтахъ ничего слышать не хотятъ.

Заблужденіе, подобно истиннѣ, имѣетъ свою логику. Кто отвергаетъ политическую дѣятельность рабочаго класса, неминуемо долженъ придти къ тактикѣ Вальяна и Анри, если только не хочетъ служить интересамъ буржуазныхъ политиковъ.

Что касается волшебства и чудесъ, то они занимаютъ очень большое мѣсто въ аргументаціи анархистовъ, направленной противъ политической дѣятельности пролетаріата. Здѣсь быстро переходитъ въ настоящее колдовство. Такъ напримѣръ, Крапоткинъ направляетъ противъ соціалдемократовъ ихъ собственное оружіе, матеріалистическое пониманіе исторіи. Онъ увѣряетъ:

"Каждой новой экономической фазѣ жизни соотвѣтствуетъ новая политическая фаза. Абсолютная монархія, или господство двора, соотвѣтствуетъ системѣ крѣпостничества |что, между прочимъ, совершенно не вѣрно Г.П.|, представительное правленіе соотвѣтствуетъ господству капитала. И первая и вторая суть системы классового господства. Но въ обществѣ, гдѣ исчезло всякое различіе между капиталистомъ и рабочимъ, нѣтъ никакой потребности въ такой системѣ правленія. Она была излишней обузой, анахронизмомъ". |

Если бы соціалдемократы сказали ему, что они это знаютъ не хуже его, то Крапоткинъ отвѣтилъ бы, что если это и правда то они всетаки не хотятъ изъ этихъ "предпосылокъ" вывести логическаго заключенія. Онъ Крапоткинъ логично мыслитъ. Такъ какъ политическая конституція всякой страны опредѣляется ея экономической страктурой доказываетъ онъ, то политическая дѣятельность соціалистовъ абсолютная безсмыслица.

"Желать при помощи политической революціи достигнуть соціализма или даже | | аграрной революціи есть чистѣйшая утопія такъ исторія вездѣ показываетъ намъ, что политическія измѣне-

нія происходятъ отъ великихъ экономическихъ революцій, а не наоборотъ". |Предисловіе Крапоткина къ русскому изданію брошюры Бакунина: "Парижская коммуна и идея государства", Женева 92, стр. |

Самый лучшій геометръ въ мірѣ не привелъ бы никогда таких неопровержимыхъ доказательствъ?

Опираясь на это непоколебимое основное положеніе, Крапоткинъ совѣтуетъ русскимъ революціонерамъ отказаться отъ ихъ политической борьбы противъ царизма. Они должны преслѣдовать непосредственныя экономическія цѣли.

Освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ крепостническаго гнета, который до сихъ поръ лежитъ на нихъ, есть такимъ образомъ первая задача русскаго революціонера. Работая на этой почвѣ, онъ будетъ работать прямо и непосредственно на пользу народа... и будетъ, между прочимъ, подготовлять ослабленіе централизованной силы государства и его ограниченіе". |Тамъ же|.

Итакъ освобожденіе крестьянъ ослабитъ русскій царизмъ. Но какъ освободить крестьянъ, когда еще не свергнутъ царизмъ? Абсолютная тайна. Это освобожденіе есть настоящее волшебство.

Старый Лисновъ былъ правъ, когда говорилъ: "легче и естественнѣе писать пальцами, чѣмъ головою".

Какъ бы тамъ ни было, вся политика рабочаго класса можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: "Долой политику. Да здравствуетъ непосредственная экономическая борьба." Это бакунизмъ, но бакунизмъ усовершенствованный. Бакунинъ самъ убѣждалъ рабочихъ бороться за сокращеніе рабочаго дня и повышеніе заработной платы. Современные анархистическіе коммунисты стараются "разъяснить рабочимъ, что такими мелочами они ничего не выиграютъ, и что общество можетъ быть преобразовано, когда будутъ уничтожены руководящія учрежденія". |Гравъ, Умирающее общество и анархія, стр. 253|. Повышеніе заработной платы безполезная вещь.

"Примѣръ сѣв. Америки и Южной Америки доказываетъ намъ, что вездѣ, гдѣ только рабочему удавалось повысить заработную плату, въ такой же пропорціи росли цѣны на жизненные продукты. Если онъ получаетъ ежедневно 20 франковъ, то ему нужно 25 фр. чтобы жить соотвѣтственно своему положенію, и его заработокъ всегда ниже нормальнаго уровня.

"Сокращенie рабочаго времени - въ лучшемъ случаѣ дѣло совершенно излишнее, такъ какъ капиталъ прибѣгаетъ къ систематическому уравниванiю качествъ труда при помощи введенiя усовершенствованныхъ машинъ. Самъ Марксъ очень ясно доказывалъ это". |Тамъ же стр. 249, 250-251|

Благодаря Крапоткину, мы знаемъ, что анархистическiй идеалъ двойственнаго происхожденiя. Двойственнаго также происхожденiя и всѣ "доказательства" анархистовъ. Съ одной стороны источникомъ для нихъ послужили вульгарныя руководства политической экономiи, написанныя самыми вульгарными буржуазными экономистами. Примѣромъ для этого можетъ служить диссертацiя Грава о заработной платѣ, вызвавшая восторженный отзывъ "Бастiа. Съ другой стороны, вспомнивъ о "коммунистическомъ" происхожденiи своего идеала, анархисты обращаются къ Марксу и цитируютъ его, совершенно не понимая его. Уже Бакунинъ былъ "софистицированъ" марксизмомъ. Современные анархисты, начиная съ Крапоткина, превзошли его въ этомъ отношенiи. |Невѣжество Грава, этого "глубокаго мыслителя" вообще съ высшей степени замѣчательно, но оно переходитъ всякiе предѣлы въ области политиче

ской экономіи; здѣсь оно можетъ быть сравнено съ невѣжествомъ ученаго геолога Крапоткина, который въ экономическихъ вопросахъ договаривается до ужасовъ. Мы очень сожалѣемъ, что за недостаткомъ мѣста не можемъ повабавить читателя страничкой изъ анархистской политической экономіи. Приходится удовольствоваться только тѣмъ, что Крапоткинъ говоритъ о Марксѣ и „прибавочной цѣнности". Все это было бы только смѣшно, если бы не было такъ печально. И это дѣйствительно печально. Какъ только пролетаріатъ дѣлаетъ усиліе, чтобы улучшить свое экономическое положеніе, къ нему со всѣхъ сторонъ сбѣгаются „добрые люди" , заявляютъ о своихъ нѣжныхъ чувствахъ къ нему и своими жалкими доводами стараются убѣдить его въ безподѣзности движенія. Такъ, напримѣръ, проявили себя анархисты въ вопросѣ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, противъ котораго они боролись вездѣ, гдѣ только можно было, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Если же пролетаріатъ не обращаетъ никакого вниманія на ихъ увѣщенія и продолжаетъ преслѣдовать свои непосредственно-экономическія цѣли - и онъ, къ счастію, обыкновенно такъ и дѣлаетъ - то эти самые „добрые лю-

ди" являются съ бомбами въ рукахъ и даютъ правительству желанный поводъ обрушиться на рабочихъ. Мы это видѣли въ Парижѣ I мая 1890 года; и это часто приходится видѣть во время стачекъ. "Добрые люди", - нечего сказать.

Анархисты выступаютъ противъ "парламентаризма", потому что онъ только "усыпляетъ" пролетаріатъ; онъ противъ "реформъ", потому что реформы обозначаютъ собою компромиссъ съ имущими классами. Онъ стоитъ за революцію, за простую, полную, непосредственную и непосредственно-экономическую революцію. Для достиженія этой цѣли онъ запасается горшкомъ со взрывчатымъ веществомъ и мечетъ его въ публику въ какомъ-нибудь ресторанѣ или театрѣ. Анархисты утверждаютъ, что это частичная "революція" |кусочекъ революціи- |, а мы полагаемъ, что это только "непосредственное" проявленіе буйнаго умопомѣшательства.

Нечего и говорить о томъ, что какія бы строгія мѣры буржуазныя правительства ни принимали противъ виновниковъ этихъ покушеній, они могутъ только радоваться такой тактикѣ анархистовъ. "Общество въ опасности." "|Будьте

бдительны консулы. И „Консулы" отъ полиціи дѣйствуютъ, и всѣ реакціонныя мѣры, которыя министры принимаютъ во имя спасенія общества, находятъ полное одобреніе въ общественномъ мнѣніи.

„Спасителямъ общества, террористамъ въ мундирѣ нуженъ ореолъ,- имъ нужно показать филистерской толпѣ, что они истые сыны „священнаго порядка", этой „благословенной дщери небесно и этотъ ореолъ доставляетъ имъ школьническія покушенія террористовъ въ лохмотьяхъ. Какой-нибудь наивный человѣкъ, летающі на крыльяхъ своей фантазіи, не замѣчаетъ даже, что онъ только кукла, прыгающая на проволокѣ ловкаго террориста, который прячетъ за кулисами государственнаго дѣятеля; онъ не подозрѣваетъ что тотъ страхъ и ужасъ, который онъ наводитъ на всѣхъ, только затуманиваетъ головы у буржуазной толпы, и она рукоплещетъ всякой рѣзнѣ, которая прокладываетъ путь реакціи".

23, янв. 1894 г. Уже Наполеонъ III доставлялъ себѣ отъ времени до времени покушеніе, чтобы еще лишній разъ спасти общество отъ угрожавшихъ ему враговъ порядка. Откровенныя признанія такой темной личности какъ Андріе Анархисты искали человѣка, который согласился бы внести нужную су

му въ обезпеченіе ихъ изданія, но негодный капиталъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія придти къ нимъ на помощь. Тогда я постарался убѣдить этотъ негодный капиталъ, что въ его же интересахъ содѣйствовать появленію анархистской газеты.... Не подумайте, впрочемъ, что я открыто, какъ префектъ полиціи протянулъ руку помощи анархистамъ. Я поручилъ одному хорошо одѣтому буржуа отыскать самаго энергичнаго и интеллигентнаго изъ нихъ. Ему мой буржуа заявилъ, что торговлей аптекарскимъ товаромъ онъ нажилъ капиталъ и теперь хочетъ отдать часть своихъ денегъ для пропаганды соціализма, и онъ не вызвалъ ни малѣйшаго подозрѣнія у анархистовъ. При его посредствѣ я внесъ въ казначейство залогъ, и журналъ "   " возвѣстилъ о своемъ появленіи. Это былъ еженедѣльный органъ, такъ моя щедрость, какъ дрогиста, не шла такъ далеко, чтобы взять на себя расходъ по издательству ежедневнаго органа" |Воспоминанія Полицейскаго Префекта" Парижъ, 85 г.|.

Дѣйствія нѣмецкихъ и австрійскихъ провокаторовъ новѣйшія разоблаченія по поводу покушенія на парламентъ въ Мадридѣ и т. п. ясно доказываютъ, что современныя правительства очень много

выигрываютъ отъ тактики анархистовъ, и что террористамъ въ мундирѣ было бы гороздо труднѣе дѣйствовать, еслибы анархисты такъ усердно не старались облегчить имъ эту работу.

Реакціонная и консервативная печать не скрывала даже своихъ симпатій къ анархистамъ и очень сожалѣла, что соціалисты, сознательно относящіеся къ своимъ задачамъ, ничего общаго съ ними имѣть не хотятъ. "Они ихъ прогоняютъ какъ собакъ", соболѣзновала парижская "Фигаро" по поводу исключенія анархистовъ во время конгресса въ Цюрихѣ.

Анархистъ осужденъ - если онъ только не шпіонъ всегда и вездѣ вызывать такія явленія, которыя совершенно противоположны его цѣлямъ.

"Посылать рабочихъ въ парламентъ", сказалъ Борди на судѣ въ Ліонѣ въ 1883 г. "значитъ уподобиться матери, приводящей свою дочь въ домъ терпимости". Такимъ образомъ и во имя морали анархисты отвергаютъ политическую дѣятельность. Но куда ихъ приводитъ эта боязнь предъ развращающимъ вліяніемъ парламентаризма. Къ прославленію воровства, къ геройскимъ подвигамъ Дювалля и Равашоля, которые во имя "Дѣла" совершали самыя низкія и

отвратительныя преступленія. Русскій писатель Герценъ разсказываетъ въ одномъ своемъ произведеніи, что въ одномъ итальянскомъ небольшомъ городкѣ онъ встрѣтилъ только монаховъ и разбойниковъ и былъ при этомъ сильно озадаченъ тѣмъ, что не могъ отличить монаха отъ разбойника. Въ такомъ же положеніи находятся теперь всѣ безпартійные люди по отношенію къ анархистамъ: какъ отгадать, гдѣ кончается анархистъ и гдѣ начинается бандитъ Самимъ анархистамъ это не всегда удается. На это указываютъ тѣ разногласія, которыя были вызваны дѣломъ Равашоля. Лучшіе изъ нихъ, честность и порядочность которыхъ стоятъ внѣ всякихъ сомнѣній, настолько колеблются въ своемъ мнѣніи о "пропагандѣ дѣйствіемъ".

"Осуждать пропаганду дѣйствіемъ?", спрашиваетъ Элизе Реклю, "но что же иное представляетъ собою эта пропаганда дѣйствіемъ, какъ не проповѣдь добра и человѣколюбія при помощи примѣра. Тѣ, которые насилие называютъ "пропагандой дѣйствіемъ доказываютъ этимъ, что они не поняли значенія этого выраженія. Вмѣсто того чтобы убивать человѣка анархистъ понимающій свою роль, будетъ стараться исключительно о томъ чтобы познакомить

его со своими воззрѣніями и сдѣлать его ихъ послѣдователемъ. А этотъ новый адептъ въ свою очередь будетъ вести пропаганду дѣйствіемъ, если будетъ добръ и справедливъ по отношенію ко всѣмъ, которыхъ онъ встрѣтитъ на пути жизни".

Мы не станемъ спрашивать, что останется отъ анархиста, который рѣшительно отказывается отъ тактики покушеній. Мы пре лагаемъ читателю внимательно прочесть слѣдующія строки:

"Издатель " "Всегда Впередъ" писалъ Элизе Реклю и просилъ высказать свое истинное мнѣніе о Равашо лѣ. Реклю отвѣтилъ: "Я удивляюсь его храбрости, его добросердечію, его широкой натурѣ и великодушію, съ которымъ онъ прощаетъ своимъ врагамъ, или даже измѣнникамъ. Я почти никого не знаю, кто превосходилъ бы его въ благородствѣ. Я не останавливаюсь на вопросѣ, насколько желательно неограниченно пользоваться въ каждомъ данномъ случаѣ своимъ личнымъ правомъ и не слѣдуетъ ли отдать предпочтеніе другимъ стремленіямъ, вытекаю щимъ изъ того же чувства солидарности. Тѣмъ не менѣе я причис ляю себя къ тѣмъ, которые признаютъ въ Равашолѣ человѣка рѣд

каго величія души"

Это сильно противорѣчитъ раньше цитированному заявленію и неопровержимо доказываетъ, что гражданинъ Реклю очень неувѣренъ и не можетъ сказать опредѣленно, гдѣ кончается его "товарищъ" и гдѣ начинается бандитъ.

И задачу тѣмъ труднѣе рѣшить, что существуетъ не мало индивидуумовъ, которые въ одно и то же время и "бандиты" и анархисты. Равашоль далеко не исключеніе. У недавно арестованныхъ въ Парижѣ анархистовъ и найдено было много краденныхъ вещей. И такое сочетаніе различныхъ ремеселъ можно встрѣтить и за предѣлами Франціи. Достаточно напомнить о процессахъ Коммерер'а и Штельмахер'а въ Вѣнѣ.

Крапоткинъ страется насъ увѣрить, что анархистская мораль свободна отъ обязательствъ и общественной санкціи, чужда всякихъ утилитарныхъ мотивовъ, какъ и естественная народная мораль, "мораль основанная на обычаѣ", сводится къ хорошимъ поступкамъ. Мораль анархистовъ есть мораль личностей, которыя всякій человѣческій поступокъ оцѣниваютъ съ абстрактной точки зрѣнія неограниченныхъ правъ индивидуума и во имя этихъ правъ объявляютъ "невиновными" всѣхъ совершающихъ самыя ужастныя на-

селія и проявляющихъ самый дикій произволъ. „Что значатъ жертвы, если только жесты красивы." восклицаетъ наканунѣ покушенія Вальяна анархистскій поэтъ Лоранъ Тельгадъ | | на банкетѣ общества „

Анархисты выступаютъ противъ демократіи, потому что демократія, по ихъ мнѣнію, обозначаетъ собою тиранію большинства по отношенію къ меньшинству. Большинство никакого права не имѣетъ навязывать свою волю меньшинству. Но, если такъ, то во имя какого моральнаго принципа анархисты нападаютъ на буржуазію? Развѣ она не составляетъ меньшинства и развѣ она не поступаетъ такъ, какъ она „хочетъ"?

– поступай такъ, какъ тебѣ хочется, „заявляютъ анархисты. Буржуазіи „хочется" эксплоатировать пролетаріатъ, и она это прекрасно выполняетъ. Буржуазія поступаетъ по рецепту анархистовъ, и они не имѣютъ никакого права возмущаться ея поведеніемъ. Тѣмъ болѣе смѣшными становятся анархисты, когда они выступаютъ противъ буржуазіи во имя ея жертвъ. „Какое намъ дѣло до гибели какой-нибудь толпы", продолжаетъ анархистскій логикъ Тельгадъ | |, „если благо-

даря этой гибели крѣпнетъ индивидуумъ?" Вотъ настоящая мораль анархистовъ, это мораль коронованныхъ особъ:

" | Я такъ хочу, я такъ повелѣваю." |

Однимъ словомъ во имя революціи анархисты служатъ дѣлу реакціи, во имя морали они одобряютъ всякіе безнравственные поступки; во имя индивидуальной свободы они попираютъ ногами всѣ права своихъ ближнихъ.

Вотъ почему вся анархистская система терпитъ крушеніе благодаря своей собственной логикѣ. Если всякій сумашедшій имѣетъ право только потому, что такъ ему хочется, убить столько народа, сколько ему заблагоразсудится, то и общество, состоящее изъ огромнаго числа индивидуумовъ, имѣетъ въ свою очередь полное право образумить его, не на основаніи своего каприза, а на основаніи того, что это есть его обязанность, что это есть | необходимое условіе | его существованія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

БУРЖУАЗІЯ, АНАРХИЗМЪ, И СОЦІАЛИЗМЪ.

„Отецъ анархіи," „безсмертный" Прудонъ, горько смѣялся, надъ тѣми, которые революцію сводили къ актамъ насилія, кулачно расправѣ и кровопролитнымъ столкновеніямъ. Потомки „отца" современные анархисты, понимаютъ революцію исключительно въ это дѣтски-жестокой формѣ. Все, что не есть насиліе, есть изм[ѣна] на дѣлу, нечистоплотный компромиссъ съ „авторитетомъ" |Правда такіе люди, какъ Реклю, не всегда соглашаются съ такимъ пониманіемъ революціи. Но, еще разъ повторяемъ, что остается отъ анархиста, который отрицаетъ „пропаганду дѣйствіемъ?" Только мечтательный и сентиментальный буржуа.|

Буржуазія въ свою очередь въ замѣшательствѣ не знаетъ, ч[то] предпринять противъ анархистовъ. На почвѣ теоріи она абсолютно безсильна противъ нихъ. Это ея собственные |дѣти ужаса|. Она сама въ первые выступила съ пропагандой |полной своды дѣйствіемъ| и крайняго индивидуализма. Ея выдающійся современный философъ Гербертъ Спен-

серъ не брлѣе какъ консервативный анархистъ. Дѣятельные и живые анархисты доводятъ буржуазную логику до ея крайнихъ предѣловъ.

Судьи буржуазной республики приговорили Грава къ тюремному заключенію и конфисковали его книгу „Умирающее общество и анархія"

Буржуазные писатели нашли эту жалкую книгу глубокомысленнымъ произведеніемъ, а ея автора рѣдко интеллигентнымъ человѣкомъ. Буржуазія не можетъ поднять теоретическаго оружія противъ анархистовъ; даже болѣе эта доктрина вызываетъ въ ней воспоминанія о ея собственной юности. Въ этомъ пресыщенномъ и до мозга костей прогнившемъ обществѣ, въ которомъ погибла великая вѣра, и великія идейныя стремленія кажутся смѣшными, въ этомъ царствѣ скуки, гдѣ испытаны всѣ удовольствія и всѣ мысли направлены только на изысканіе новыхъ ощущеній, – въ этомъ буржуазномъ мірѣ есть много людей, которые любовно прислушиваются къ пѣнію анархистской сирены. Среди парижскихъ анархистовъ можно встрѣтить не мало элегантныхъ людей „ ", которые являются на собранія не иначе, какъ въ лакированныхъ башмакахъ

съ цвѣткомъ -георгина въ петлицѣ.

Писатели и художники-декаденты начинаютъ исповѣдовать анархизм и начинаютъ пропагандировать его идеи въ журналахъ какъ " " и др. Это очень понятно. Было бы удивительно, еслибы анархизмъ, эта чисто буржуазная доктрина, не нашла бы себѣ приверженцевъ среди французской буржуазіи самой пустой изъ всѣхъ буржуазій.

Вступая въ ряды анархистовъ, литераторы-декаденты конца вѣка сообщаютъ анархистской доктринѣ характеръ буржуазнаго индивидуализма. Если Крапоткинъ и Реклю поднимаютъ свой голосъ во имя угнетаемаго капиталистами рабочаго, то журналы " " и " " выступаютъ во имя "индивидуума", который старается освободиться отъ всѣхъ оковъ общества, чтобы свободно дѣлать все, что ему "заблагоразсудится". Такимъ образомъ анархисты возвращаются къ своему отправному пункту. Штирнеръ говорилъ: "Мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ меня". А Лоранъ Тельгадъ заявляетъ: Какое намъ дѣло до гибели какой-нибудь толпы, если благодаря этому крѣпнетъ индивидуумъ?

Буржуазія не знаетъ, куда преклонить свою голову .

"Да, я такъ сильно боролся за позитивизмъ", вздыхаетъ Золя, "и теперь, послѣ тридцатилѣтней борьбы, я чувствую, что мои убѣжденія теряютъ почву. Какъ много теорій были задержаны въ своемъ распространеніи религій; а теперь развѣ не наступаетъ конецъ ея собственному существованію? Кто намъ дастъ новый идеалъ?"

Ахъ,милостивые государи, никакихъ идаеловъ не существуетъ для такихъ ходячихъ труповъ, какъ вы. Вы будете дѣлать всевозможныя попытки, станите буддистами, друидами, халдейскими "сарсами" | |, каббалистами, магами, изистами или анархистами - чтобы вамъ тамъ не понравилось - и всетаки вы останитесь тѣмъ, что вы теперь, незаконными существами безъ всякихъ убѣжденій, мѣшками, опорожненными исторіей. Время буржуазныхъ идеаловъ миновало.

Но намъ соціалдемократамъ нечего бояться анархистской пропаганды. Какъ дитя буржуазіи, анархизмъ никогда серьезнаго вліянія на пролетаріатъ имѣть не будетъ. Если среди анархистовъ встрѣчаются рабочіе, которые серьезно хотятъ улучшить положеніе своего и жертвуютъ собою во имя общаго дѣла, то ихъ присутствіе въ этомъ лагерѣ можно объяснить однимъ толь

ко недоразуменіемъ. Имъ извѣстна борьба за эмансипацію пролетаріата только въ той формѣ, въ которой ее преподносятъ имъ анархисты. Съ развитіемъ самосознанія они перейдутъ къ намъ.

Вотъ примѣръ. Во время ліонскаго анархистскаго процесса 1883 г. рабочій Дегранжъ разсказалъ какъ онъ сознался анархистамъ, тогда какъ раньше онъ принималъ участіе въ политической борьбѣ, и въ ноябрѣ 1879 г. Самъ былъ выбранъ членомъ муниципальнаго совѣта въ Виллефраншѣ.

"Когда въ сентябрѣ 1881 г. въ Виллефраншѣ вспыхнула стачка красильщиковъ, я былъ выбранъ секретаремъ исполнительной комиссіи, и это достопамятное событіе...убѣдило меня въ необходимости уничтожить авторитетъ, потому что кто говоритъ объ авторитетѣ, говоритъ о деспотизмѣ.

Во время этой стачки хозяева отказывались вступить въ переговоры съ рабочими. Что же сдѣлали префекторальныя и коммунистическія власти, чтобы положить конецъ этой борьбѣ? Пятидесяти жандармамъ было поручено разрѣшить этотъ вопросъ сабельными ударами. Вотъ тѣ мирныя средства, которыя употребляются правительствами. Благодаря этой стачкѣ нѣсколько рабочихъ, среди которыхъ былъ и я, поняли необходимость серьезно занять

изученіемъ экономическихъ вопросовъ, и въ тотъ же вечеръ мы всѣ вмѣстѣ порѣшили приступить къ дѣлу."

Нечего и прибавлять, что эта группа примкнула къ анархистамъ.

Такъ дѣлается исторія. Энергичный и интеллигентный рабочій поддерживаетъ программу буржуазной партіи. Буржуазія говоритъ о благосостояніи рабочихъ, но при первомъ удобномъ случаѣ она имъ измѣняетъ. Рабочій, который вѣрилъ въ порядочность этихъ господъ, возмущенъ, онъ хочетъ отдѣлиться отъ нихъ и берется за изученіе „экономическихъ вопросовъ". Въ это время попадается ему анархистъ и начинаетъ проклинать буржуазію за ея измѣну и полицейскія сабли; онъ увѣряетъ, что политическая борьба никакой пользы не приноситъ, отъ нея нужно отказаться и во имя эмансипаціи рабочаго класса нужно поставить себѣ задачей уничтоженіе государства. Рабочему, который только хотѣлъ приступить къ „изученію" этого вопроса, начинаетъ казаться, что его собесѣдникъ правъ, и такимъ образомъ онъ становится убѣжденнымъ и преданнымъ анархистамъ. Что было бы, если бы онъ сталъ изучать соціальные вопросы и поняли бы, что его собесѣд-

никъ не болѣе, какъ невѣжественный фантазеръ, что его "идеалъ" не имѣетъ подъ собою никакой почвы, что кромѣ буржуазной политики существуетъ противоположная ей *политика* пролетаріевъ, которая ставитъ себѣ цѣлью уничтоженіе буржуазнаго общества? Нужно полагать, что онъ скорѣе сдѣлался бы соціалдемократомъ.

Чѣмъ больше, поэтому, наши идеи будутъ проникать въ рабочую среду - а это такъ и происходитъ - тѣмъ менѣе среди нихъ будетъ послѣдователей анархизма. Все болѣе и болѣе анархизмъ вырождается въ *буржуазный спортъ*, въ которомъ "индивидуумы", испытавшіе всякія свѣтскія и полусвѣтскія удовольствія, ищутъ себѣ "*сильныхъ ощущеній*".

А когда пролетаріатъ сдѣлается господиномъ положенія ему не трудно будетъ справиться съ анархистами, даже съ "самыми красивыми" изъ нихъ.

